ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 100 (3601) Четверг, 23 августа 1966 г. Цена 40 коп.

Атомный институт в Средней Азии

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). В связи с организацией в Ташкенте Института ядерной физики Академии наук Узбекской ССР вице-президент академии С. Юнусов сообщил корреспонденту «Литературной газеты», что решение это широко приветствуется всеми учеными республики.

— XX съезд КПСС поставил перед советскими учеными задачу — значительно расширить в шестой пятилетке применение атомной энергии в мирных целях,— сказал С. Юнусов.— В выполнении этой задачи будут принимать активное участие и ученые Узбекистана, где за годы советской власти создана крупная научно-техническая база, включающая в себя десятки различных институтов.

Большого размаха достигли работы в области физики. Уже много лет в Ташкенте ведутся исследования по электронике и полупроводникам, по физике хлопка. С начала пятой пятилетки в Физико-техническом институте начали интенсивно развиваться работы по исследованию ядерных процессов, вызываемых частицами высокой энергии: протонами, нейтронами, мезонами, входящими в состав космических лучей. Были получены ценные результаты, объясняющие характер взаимодействия частиц высокой энергии с ядрами атомов вещества и частиц, возникающих при этих взаимодействиях. Одновременно начали развиваться работы по использованию метода меченых атомов в биологии, медицине, технике. С помощью метода меченых атомов было доказано, например, что хлопчатник может усваивать фосфорные удобрения не только через корневую систему, но и через листья (внекорневая подкормка).

Радиоактивные вещества используются в клиниках Ташкентского медицинского института для лечения злокачественных опухолей. Гамма-дефектоскопия нашла применение для определения качества деталей на заводе имени Кагановича. Меченые атомы применяются и рядом других научных учреждений и предприятий республики.

Как уже сообщалось, учитывая наличие в нашей республике крупной научно-технической базы, кадров квалифицированных ученых, а также большие работы, ведущиеся по использованию атомной энергии в мирных целях, Совет Министров Союза ССР принял постановление об организации в Ташкенте Института ядерной физики Академии наук Узбекской ССР. В задачи института входят исследования фундаментальных вопросов атомной физики, широкое применение меченых атомов в биологии, химии, медицине и технике.

В Институте ядерной физики будет установлен экспериментальный атомный реактор. Здесь, в реакторе, будет протекать цепная реакция деления ядер урана. Вместе с выделяющейся в процессе деления атомных ядер энергией, которая будет отводиться от реактора с помощью системы охлаждения, в реакторе будут создаваться мощные потоки нейтронов. Через специальные каналы в бетонной стене, окружающей реактор и защищающей обслуживающий персонал от вредного действия радиоактивных излучений, будут выпускаться пучки нейтронов для исследования их взаимодействия с атомными ядрами различных веществ.

Кроме этих каналов, предназначенных в основном для физических исследований в реакторе, будут сделаны специальные каналы для изготовления радиоактивных изотопов.

Изучая испускаемые радиоактивными ядрами бета-лучи (быстрые электроны) и гамма-лучи, можно получить важные сведения о тех сложных процессах, которые происходят внутри атомных ядер.

Уже несколько десятилетий для всех физиков важнейшей проблемой является исследование свойств элементарных частиц. Огромные по своей величине ядерные силы, действующие между частицами в ядре, являются предметом неустанного изучения многочисленной армии ученых. Эта важнейшая проблема современной физики будет исследоваться и в стенах Института ядерной физики Академии наук Узбекской ССР.

Рядом с корпусом для физических исследований будут расположены лаборатории для проведения исследований с радиоактивными изотопами и радиоактивными излучениями по экспериментальной биологии, химии, медицине и другим областям науки и производства. Большое внимание будет уделено исследованиям с помощью радиоактивных индикаторов (меченых атомов) основной сельскохозяйственной культуры республики — хлопчатника.

Постановлением Совета Министров Союза ССР институту выделяются соответствующее оборудование и аппаратура для исследований в области ядерной физики. Кроме главного здания, лаборатории, здания реактора, будут построены различные вспомогательные сооружения и жилые дома для сотрудников.

Создание в Ташкенте Института ядерной физики Академии наук Узбекской ССР показывает зрелость узбекской науки — составной части самой передовой в мире советской науки. Ученые Узбекистана приложат все свои силы для того, чтобы оправдать высокое доверие, оказанное им Коммунистической партией и Советским правительством.

Кукуруза поспевает...

В эти жаркие дни как-то странно видеть опустевшие поля. Кажется, только что шелестела о чем-то своем пшеница, а сейчас уже нет ее даже на токах. Тракторные плуги безжалостно мнут, переворачивают жесткую щетку пшеничной стерни, готовя землю под будущий урожай. И, вытягивая тонкие, совсем гусиные шейки, стоят по обочинам полей стогометатели, словно разглядывая с высоты желтые аккуратные копны соломы...

На полях Николаевщины — временное краткодневное затишье. Поспевает просо, которое выборочно косят лафетные жатки. Поспевает кукуруза.

Но у людей по-прежнему много дела: прошел обильный, такой нужный сейчас дождь, и директор Гурьевской МТС Михаил Исаакович Варшавский днюет и ночует в бригадах.

— Быстрее пашите, сейте рожь на зеленую подкормку, пока есть влага!..

Почти рядом идут по полям два трактора, выполняя совсем различные дела: один пашет, другой тянет за собой огромную красную машину, которая так живописна на фоне яркого зеленого поля и голубого южного неба.

Водитель силосорезного комбайна, замечательный мастер Иван Кузьмич Рублевик, говорит с восторгом:

— Хороша машина! Сколько времени человеческого экономит! Режет, мельчит, сбрасывает в траншею готовую массу. Жаль только, не продумали кое-что до конца конструкторы. Вот, например, шатун плохо сделан. Резьба на нем быстро стирается. Приходятся каждые пять суток ставить машину на ремонт. Это не то, что «КУ-2»,— неожиданно заключает Иван Кузьмич и мчится в сторону кукурузоуборочного комбайна, который неподвижно ждет своей очереди возле поля, где выращивается кукуруза на зерно. — Да и «КУ-2» имеет недостатки, захватывает только два рядка. А почему не четыре? Подсчитайте, сколько надо лишних прогонов делать по полю. Отсюда и производительность низка. Нет, пора сконструировать «КУ-4», а то и «КУ-6»...

Разговор идет под непрерывный грохот и стук. Четыре трехтонки с трудом успевают отвозить от силосорезного комбайна душистую, пахучую массу. В кузове ловко орудует молодой парень в яркой майке. Пользуясь минутной передышкой, спрашиваю:

— Откуда?

— Из Волынской области,— раздается неожиданный ответ.— Нас здесь 26 человек.

Паренька зовут Василий Семенюк. Он показывает мне письмо из села Горняки Ратновского района.

— Обижаются на меня,— поясняет он.— Я написал: «Мы тут по две нормы делаем! У нас тут кукурузы — сила». А они отвечают: «Не хвались, и мы по две нормы, и у нас — сила».

Я им ответил: «Ну что ж, кончайте уборку и отправимся вместе в Казахстан. Там люди нужны».

Людей из Волыни, с Полтавщины, из других мест можно часто встретить сейчас тут, в колхозах Николаевщины. О них с большим одобрением говорят местные колхозники.

Помощь николаевцам нужна — кукуруза выращена добрая. Почти повсеместно примерные подсчеты показывают — с гектара будет не меньше 18—22 центнеров зерна.

Это и радует, и тревожит работников заготовительных пунктов. В Касперовском пункте Заготзерна Ново-Одесского района кукурузу уже ждут.

Заведующий пунктом Иван Гаврилович Березуцкий показал мне все новшества, которые введены в этом году. Сделан передвижной автоопрокидыватель, который легко передвигать к любому складу в случае малейшего затора. Установлена механизированная «лопата» — приспособление, похожее на огромные вилки,—которая бережно переворачивает кукурузные початки и аккуратно складывает их на специальные стеллажи. Эти хворостяные стеллажи установлены в складах на такой высоте, чтобы воздух, нагнетаемый из специального вентилятора, обдувал кукурузу, сушил ее. Ведь початки принимаются влажностью до 30%, а в процессе хранения здесь, на пункте, их просушат, потом вышелушат, и кукуруза весной, погруженная на баржи, пойдет во все концы страны — в Новосибирск, Красноярск, на Урал...

Районы Николаевщины впервые будут убирать кукурузу на многих тысячах гектаров.

Ирина ВОЛК
НИКОЛАЕВЩИНА

В защиту памятников культуры

1. Памятники продолжают разрушаться

Второго июня этого года в городе Уфе раздался грохот взрыва. На глазах изумленных жителей покачнулся, осел и превратился в груду камня ценнейший историко-архитектурный памятник — Смоленский собор. Он был разрушен, несмотря на протесты Академии наук и Министерства культуры СССР, несмотря на то, что специального разрешения правительства, необходимого в каждом подобном случае, не было.

Нам не известно, знаком ли председатель Уфимского горисполкома тов. Бабуркин с историей грека Герострата, поджегшего знаменитый храм Дианы Эфесской с единственной целью оставить свое имя потомкам, и мы не знаем также, какими соображениями руководствовался тов. Бабуркин, отдавая приказ о разрушении Смоленского собора, но акт этот совершился в 1956 году и вызвал справедливое возмущение многих и многих жителей Уфы. Старший научный сотрудник Башкирского филиала Академии наук Г. Юсупов пишет об этом:

«Совершенное преступление является не только грубым попранием законов об охране памятников культуры, но не укладывается даже в сознании самых простых людей, которым дороги творения далеких и славных наших предков. Я татарин по национальности, но собор этот был для меня так же дорог, как и развалины древних Болгар».

Весной 1954 года в Боровском Пафнутьевом монастыре (г. Боровск, Калужской области), замечательном архитектурном памятнике XVI века, обрушились своды собора и погребли останки сельскохозяйственных машин, которые хранило там одно из училищ трудовых резервов. Неподалеку от Москвы находится Иосифо-Волоколамский монастырь, чудесный памятник начала XVI века. До недавнего времени в башне, где был заключен Василий Шуйский, содержались свиньи. На глазах гибнет и этот изумительный памятник архитектуры.

В Ферганской области на археологическом памятнике — городище Кува поставили кирпичный завод, перерабатывающий глину от построек древнего города. Частично распахано, частично превращено в свалку огромное городище Афрасиаб, до недавнего времени считавшееся заповедником. Единственный полностью сохранившийся под Ленинградом дворцово-парковый ансамбль Ораниенбаума (г. Ломоносов) не проживет и нескольких лет, если не будут экстренно произведены реставрация и ремонт. У великолепнейшего «Китайского дворца» с его уникальной росписью и отделкой училище механизации сельского хозяйства расположило склад горючего, а ученики ездят на тракторе по парку, в котором нельзя трогать и травинки.

Построенная в XVII веке Толчковская церковь Иоанна Предтечи в городе Ярославле известна и за пределами нашей страны, как один из образцов архитектурных сооружений того времени. Чудесные фрески церкви гибнут. Окончательно разрушается Шлиссельбургская крепость — памятник военной истории, пантеон мучеников русского революционного движения и свидетель мужества советских воинов, отстоявших в Великую Отечественную войну город Ленина. Разрушаются и другие ценнейшие архитектурные и мемориальные памятники — перечислению их можно было бы продолжить на многих страницах. Миллионы советских граждан, которым дороги судьбы родной культуры, переживают душевную тревогу. Нужны немедленные меры!

Известно, что после Великой Отечественной войны, несмотря на то, что основные средства были брошены на восстановление лежавших в руинах тысяч городов и сел, Советское правительство нашло и материалы, и средства для первоочередной реставрации ряда всемирно известных памятников культуры. С любовью и энтузиазмом наши лучшие художники и архитекторы восстанавливали дворцы Ленинграда, древние соборы и памятники Новгорода и Пскова, храмы Владимира и Ярославля. Принятое в 1948 году постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» содействовало спасению целого ряда памятников, которым грозило полное уничтожение.

Но огромное, всенародное дело сбережения культурных ценностей требует сегодня смелого признания того факта, что с охраной и восстановлением памятников культуры все еще существует крайнее неблагополучие. По всей территории нашей страны разрушение памятников идет несравнимо быстрее, чем их восстановление. О главных причинах такого положения мы и хотим сказать в этом письме.

2. Система охраны не действенна

Вернее, она перестала быть действенной.

Еще в ноябре 1917 года по указанию В. И. Ленина была организована Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном Комиссариате просвещения. Здесь сосредоточилось все дело охраны памятников. 5 октября 1918 года Совнарком издал декрет, который требовал «сохранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины».

Мы все знаем, с каким трепетным и постоянным вниманием следил Владимир Ильич Ленин за сохранностью культурных ценностей. Нарком просвещения Луначарский регулярно докладывал Ильичу о всех мероприятиях по охране памятников. 17 мая 1918 года В. И. Ленин послал следующую записку:

«Товарищу коменданту Кремля

Предлагаю в срочном порядке произвести реставрацию Владимирских ворот (кремлевская башня, выходящая к Историческому музею), поручив кому-либо из архитекторов... представить смету и наблюсти за исполнением работ».

16 сентября 1921 года по инициативе В. И. Ленина и за его подписью был опубликован декрет Совнаркома «Об охране памятников природы, садов и парков».

Вспомним, что все эти меры принимались в то время, когда на фронтах гражданской войны решался вопрос о самом существовании Советского государства!

До начала тридцатых годов работа по изучению, восстановлению и популяризации памятников культуры в нашей стране проводилась сравнительно широко. Были созданы Центральные государственные реставрационные мастерские и множество других организаций и учреждений. Существовавшие тогда Академия истории материальной культуры и Академия художественных наук сыграли определенную положительную роль в научно-методическом руководстве всей этой работой, по-прежнему направлявшейся из единого центра — Народного Комиссариата просвещения и поддерживавшейся на местах его органами и многочисленными тогда обществами краеведения. Выходивший в тридцатые годы журнал «Советский музей» регулярно освещал вопросы реставрации и сохранения памятников.

Но проявившаяся в начале тридцатых годов недооценка исторических и культурных ценностей прошлого не получила должного отпора и нанесла большой (а в ряде случаев непоправимый) ущерб памятникам культуры. Именно в те годы в Москве были снесены Сухаревская башня — колыбель русской науки и первая русская обсерватория, Триумфальная арка, воздвигнутая в память победы над Наполеоном, очаровательные своим изяществом Красные ворота и другие памятники. Тогда же все дело охраны, реставрации и изучения памятников было рассредоточено по различным ведомствам, а Центральные государственные реставрационные мастерские ликвидированы. И мы по сей день пожинаем горькие плоды этой распыленности.

В самом деле, кто конкретно занимается сейчас охраной памятников, кто за них отвечает?

Памятники архитектуры находятся в ведении государственных комитетов по делам строительства и архитектуры при советах министров союзных республик. Руководят охраной памятников искусства, истории и археологии Министерство культуры СССР и его местные органы. Научное же руководство призваны осуществлять научно-методический совет по охране памятников культуры Академии наук и Академия строительства и архитектуры. При такой рассредоточенности сил многие памятники остаются вообще без надзора. Даже в таких республиках, как Грузинская, Казахская, Туркменская, Таджикская, в министерствах культуры нет специальных органов, ведающих памятниками. О «мощности» областных инспекций можно судить по следующим цифрам: на 1200 памятников Московской области приходится только три инспектора, на 383 памятника Ярославской области — всего один. При существующей скудости производственной базы, -мизерности финансирования, при отсутствии научно-исследовательских работ в этой области восстановление памятников не может идти успешно. Следует добавить, что стремление областных и республиканских организаций включать в свои народнохозяйственные планы реставрационные работы не только не находит поддержки, но подчас совершенно игнорируется Министерством финансов СССР (хотя указанное выше постановление 1948 года обязывает советы министров союзных республик выделять средства на это дело).

Можно было бы использовать на поддержание памятников средства, поступающие от арендаторов, то есть от тех организаций и учреждений, которые занимают и эксплуатируют множество исторических зданий и архитектурных памятников, тем более, что назначение этих средств именно такое. На деле же Министерство финансов добрую половину этих средств забирает в союзный бюджет, а оставшиеся деньги местные власти используют в значительной части на другие надобности.

В сущности, вся забота о сохранении и поддержании памятника в его историческом виде, возложенная на исполкомы, осуществляется арендатором, который подписывает специальное «Охранное обязательство». Но хороший арендатор — редчайшее исключение. Приведенные в начале нашего письма примеры и сотни других говорят о варварском отношении к историко-архитектурным памятникам со стороны использующих их учреждений.

Особо следует сказать о законе. В Уголовном кодексе РСФСР имеется статья, дающая органам суда и прокуратуры право привлекать к ответственности частных и должностных лиц, виновных в нарушении неприкосновенности государственного имущества. Но применительно к охране памятников это право не используется. Работники прокуратуры, видимо, считают, что «благие» намерения, которыми руководствуются разрушители, оправдывают их в глазах закона. Так, например, когда работники Пятигорского горисполкома разбили на куски древние «Каменные бабы» (VII—VIII вв.) и полученный таким варварским способом щебень употребили на дорожное строительство, Академия наук обратилась в органы прокуратуры — результатов никаких!

В 1952 году в селе Ущелье (Архангельская область) пенный памятник разобрали на кирпич. Дело передали в областную прокуратуру. Через четыре года пришел ответ из отдела общего надзора этой прокуратуры: «Привлекать кого-либо за это к ответственности в настоящее время оснований не имеется».

За содержание памятников культуры никто из местных руководителей фактически не отвечает, да с них серьезно никто и не спрашивает. Поэтому только там, где руководители советских и партийных органов сами, по своей инициативе, интересуются памятниками, состояние их более или менее удовлетворительное. К сожалению, опыт показывает, что многие руководители любовь к прошлому своего города или села предпочитают проявлять лишь по указанию сверху.

Сказанного достаточно, чтобы понять, что дело охраны памятников культуры находится ныне в очень запущенном состоянии.

3. Наши предложения

Надо сосредоточить все дело охраны, реставрации, изучения и популяризации памятников культуры и природы в едином административном, хозяйственном и научно-методическом центре. Нам представляется целесообразным объединить этот центр с руководством музеями. Это позволит всю армию музейных работников (а среди них — огромное количество истинных энтузиастов этого дела) направить и на охрану памятников. Необходимо также упорядочить финансирование реставрационных работ, выделяя для этого средства по государственному бюджету и в плановом порядке.

Необходимо создать подлинную материально-производственную базу по реставрации, объединив проектирование с практическим осуществлением работ. Надо также позаботиться о пополнении и воспитании кадров реставраторов по архитектуре, живописи, скульптуре, прикладному искусству.

Нужно принять единый общесоюзный закон об уголовной ответственности за порчу или уничтожение состоящих на государственном учете памятников культуры и обязать органы прокуратуры выполнять этот закон с такой же строгостью и неутомимостью, с какой выполняют они законы об охране социалистической собственности.

Для каждого ясно, однако, что невозможно одними административными мерами решительно двинуть вперед важнейшее для всей нашей культуры дело охраны памятников и природы. Тут нужно повседневное внимание всей нашей общественности, всего нашего населения от мала до велика. И здесь нам не грех поучиться у некоторых зарубежных стран, особенно у стран народной демократии. Многие из советских людей, побывавших, например, в Чехословакии, Польше или Болгарии, видели, в каком образцовом порядке содержатся там памятники культуры, как гордятся своей стариной и как знают ее самые простые жители, в каком прекрасном состоянии содержатся могилы павших в борьбе с фашизмом (в том числе и советских воинов). Известно также, что в ряде европейских стран население своими пожертвованиями участвует в реставрации старых и в установке новых памятников. Почему же у нас должно считаться зазорным обращение к населению с просьбой принять участие в восстановлении или сооружении того или иного памятника? Ведь дело здесь не только в деньгах, — такой сбор средств всегда превращается в массовое проявление патриотических чувств, дает повод к широкому ознакомлению населения с прошлым родного города или подвигами наших соотечественников.

Просто необходимо, чтобы каждый советский человек с самого детства ощущал, что его отцы и деды и далекие предки работали над созданием культуры нашего великого государства и следы их трудов воплощены в замечательных созданиях художественного гения и строительного искусства.

Мы предлагаем создать **Всесоюзное добровольное общество охраны памятников культуры с отделениями на местах.** Мы уверены, что членами такого общества станут архитекторы, учителя, инженеры, писатели, художники, строительные рабочие, школьники, домохозяйки, что в нем найдут применение своим силам все наши краеведы. Мы уверены, что каждый из наших граждан сочтет для себя за честь принять участие в охране и популяризации памятников. Это общество может в свою очередь организовать издание плакатов и брошюр, чтение лекций, сбор средств, показ специальных кинофильмов. Оно станет верным помощником государственных органов в деле охраны и сооружения памятников и музейном строительстве.

Нет сомнения, что в этом благородном деле примут участие миллионы советских людей, гордящихся прошлым своей страны, строящих ее настоящее и будущее.

Н. ВОРОНИН, профессор, доктор исторических наук; **И. ГРАБАРЬ**, академик; **Е. ДОРОШ**, писатель; **П. КОРИН**, художник и реставратор; **Б. МИХАЙЛОВ**, профессор, доктор архитектуры; **И. ПЕТРОВСКИЙ**, академик, ректор МГУ; **Вл. ПАВЛОВ**, скульптор и искусствовед; **И. ТИХОНОВ**, писатель; **М. ТИХОМИРОВ**, академик-секретарь отделения исторических наук Академии наук СССР; **К. ФЕДИН**, писатель; **И. ЭРЕНБУРГ**, писатель.

ЗА РУБЕЖОМ
СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

Добрые соседи

Третий день гостят в Финляндии Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов и сопровождающие его лица. Этот визит в дружественную страну, по приглашению Президента Финляндской республики Урхо К. Кекконена, проходит в обстановке истинной теплоты и сердечности. Почетных гостей искренне приветствует финский народ.

Волнующей была встреча К. Е. Ворошилова в Хельсинки. Она вылилась в празднество. Главный вокзал города и прилегающие к нему площадь и улицы заполнили многотысячные толпы народа с финскими и советскими флажками в руках. К. Е. Ворошилова встречали Президент Финляндской республики У. К. Кекконен, председатель сейма В. И. Сукселайнен, Премьер-Министр К. А. Фагерхольм, Министр иностранных дел Р. Тернгрен и другие члены финляндского правительства. С приветственным словом к К. Е. Ворошилову обратился председатель муниципалитета Хельсинки Л. Ахо. Приняв рапорт почетного караула, К. Е. Ворошилов и У. К. Кекконен по красному президентскому ковру вышли на привокзальную площадь. Тысячи людей устроили овацию в честь советских гостей.

Резиденцией К. Е. Ворошилова стал Президентский дворец. На всем пути следования ко дворцу тысячи жителей финской столицы приветствовали посланцев из Советской страны. И в последующие дни советских гостей повсюду встречают неизменными овациями. В программу пребывания К. Е. Ворошилова входит посещение сейма Финляндской республики, Национального музея, судостроительной верфи Крейтон-Вулкан в Турку, бумажных фабрик неподалеку от Тампере, общественных учреждений в Хельсинки, крестьянских хозяйств. В поездке по стране К. Е. Ворошилова будет сопровождать Президент Финляндской республики У. К. Кекконен.

— Добрые соседи — эти слова К. Е. Ворошилова, сказанные им при встрече на вокзале Хельсинки, часто повторяются в финской печати, в государственных и общественных учреждениях страны и во многих высказываниях простых людей Финляндии. Искреннее добрососедство, сердечность во взаимоотношениях двух соседних стран — вот что неизменно подчеркивается в Финляндии в эти дни визита К. Е. Ворошилова, названного в обеих наших странах визитом дружбы.

Как известно, визит К. Е. Ворошилова в Финляндию является ответом на поездку в СССР в сентябре прошлого года тогдашнего Президента Финляндской республики Ю. К. Паасикиви. «Эти два визита, — отметил в своей речи У. К. Кекконен, — являются первыми в своем роде в истории наших стран, и они уже поэтому будут иметь прочное место как факторы, подчеркивающие наши хорошие и близкие взаимные отношения... Между нашими странами поддерживались многосторонние, из года в год расширяющиеся связи в различных областях жизни, и мы радуемся тому, что за самое последнее время наши взаимоотношения приобрели более стойкие формы». Президент Финляндской республики далее напомнил о научно-техническом сотрудничестве, о все расширяющемся товарообмене, о сильно развившемся общении между гражданами и общественными организациями обеих стран и сделал вывод: «перед нами вырисовывается ободряющая картина хорошего соседства, развивающегося в исключительно благоприятных условиях. Так будет и впредь, постоянно».

Отношения между СССР и Финляндией часто называют живым примером мирного сосуществования стран с различным политическим и экономическим строем. И это глубоко справедливо. В основе этих отношений лежит Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный в 1948 году и продленный в прошлом году на двадцать лет. Как подтвердили в своих речах У. К. Кекконен и К. Е. Ворошилов, это действительно хороший договор, ибо он создает прочные предпосылки взаимопонимания между странами, обеспечивает мир, согласие и взаимное доверие.

Визит К. Е. Ворошилова уже несколько дней находится в центре внимания всей финской печати. Газеты, независимо от их партийного направления, отмечают весьма важное значение этого визита. «Наша страна, — говорится в передовой статье «Вапаа сана», — всегда с энтузиазмом встречала глав государств, которые побывали здесь. Но особое внимание уделяется теперь визиту Президента К. Е. Ворошилова и сопровождающих его лиц. Все видят в этом ясное доказательство развития дружественных отношений между нашими странами, отношений, основанных на прочном фундаменте». Газета «Ню тид» в передовой статье отмечает, что советско-финляндские отношения являются образцовыми. Они на практике показывают всему миру, какие реальные возможности культурного и экономического сотрудничества существуют между странами с различными политическими и экономическими системами, и что подобное сотрудничество выгодно для обеих стран. Центральный орган социал-демократической партии Финляндии — газета «Суомен сосиалидемокраатти» называет визит К. Е. Ворошилова знаменательным событием, это знак уважения СССР к Финляндии. Газета «Ууси Суоми» считает, что приезд К. Е. Ворошилова является важнейшим событием в истории развития финско-советских отношений и будет способствовать не только дальнейшему развитию этих отношений, но и укреплению международного сотрудничества вообще, особенно на Севере.

Характерно также заявление газеты «Хельсингин саномат», в котором отмечается, что визит К. Е. Ворошилова во всех кругах Финляндии рассматривают, как убедительное выражение того, что между нашими странами господствуют хорошие, основанные на доверии, отношения. Заглядывая в будущее, газеты рассчитывают, что после этого визита экономические и культурные связи между СССР и Финляндией еще более расширятся. В частности, высказываются пожелания достичь практического сотрудничества с СССР в области мирного использования атомной энергии.

Визит К. Е. Ворошилова в Финляндию приковывает внимание широких кругов и других стран. В эти дни в Финляндию прибыли многочисленные корреспонденты из Швеции, Норвегии, Дании, Франции. Датская газета «Берлингске тиднинген» отмечает, что этот визит следует рассматривать, как выражение дружественных отношений Советского Союза к соседней стране. Шведская печать отмечает теплый прием, оказанный К. Е. Ворошилову в Финляндии, и подчеркивает дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества между СССР и Финляндией.

Советский и финский народы — поистине добрые соседи. Отношения их, становящиеся все более близкими и сердечными, показывают всему миру, как могут и должны сотрудничать великие и малые страны, насколько жизненна и плодотворна идея мирного сосуществования стран с различными политическими и экономическими системами.

Дружеская встреча

Во время пребывания в столице посланцы Казахской республики — участники Спартакиады народов СССР встретились с молодыми работниками московского завода «Калибр». После посещения цехов завода был дан концерт художественной самодеятельности на эстраде заводского сада.

Как видно из снимка, встреча не зря называлась дружеской. Гости подарили Раисе Корниенко национальный головной убор казахских девушек и обменялись с московскими товарищами адресами.

— Желаем собрать богатый урожай!

— Приезжайте к нам в Казахстан!

Эти взаимные пожелания часто можно было слышать на встрече.

На снимке: хозяева и гости обмениваются адресами.

Фото Н. Шагова

НА ТЕМЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

◇

С совещания в редакции «Литературной газеты»

◇

В редакциях газет — будь то местная или центральная печать — хорошо известно, какой горячий отклик находят среди читателей статьи, поднимающие вопросы правового воспитания и борьбы с преступностью. Явление это примечательное. Советский человек, независимо от характера своей деятельности, глубоко заинтересован в очищении общества от всего, что мешает нашему движению вперед. Короткая хроникерская заметка о бесчинствах группы хулиганов, судебный отчет о преступлении шайки воров привлекают его внимание не потому лишь, что это «интересное чтиво». Каковы причины, толкнувшие молодых парней на скользкий путь, что проглядели люди, среди которых росли эти парни, нет ли серьезных просчетов в деятельности органов, призванных бороться с нарушениями социалистической законности, — самый широкий круг вопросов поднимают читатели в своих откликах на выступления печати.

Показателен самый факт: редакционная почта приносит порой более тысячи писем-откликов, посвященных этим проблемам. Примерно такой вот поток читательских отзывов вызвала статья о правовом воспитании, опубликованная в «Литературной газете» 26 июня 1956 года. В редакционной почте и взволнованные строки о частных случаях нарушения законности, неверных приговорах, и обстоятельные статьи по вопросам кодификации советского права, об отставании юридической науки, о недостатках воспитательной работы в школах, в семье, на производстве...

Поднятые читателями вопросы вызвали необходимость созвать в редакции совещание работников суда, прокуратуры, милиции, адвокатов, журналистов. Заочными участниками этого совещания оказались и многочисленные читатели, с содержанием писем которых были ознакомлены собравшиеся.

— Когда была опубликована статья Л. Шейнина «О правовом воспитании», я находился в Горьком и занимался изучением проблемы преступности, — вопросом, которому у нас, к сожалению, мало уделяют внимания, — так начал свое выступление сотрудник журнала «Вопросы философии» Г. А. Арбатов.

Выразив согласие со многими положениями статьи, тов. Арбатов поделился мыслями, возникшими во время командировки в Горький. Прежде всего он говорил об очевидной слабости научной разработки вопросов борьбы с преступностью. У нас в свое время был институт, который занимался исследованием этих проблем, но в начале тридцатых годов институт ликвидировали, как «нережиток капитализма», и с тех пор никто, по существу, этими вопросами не занимался, хотя положение в области изучения проблем преступности не дает основания для благодушия.

Малую помощь исследователю оказывает статистика. Пагубную роль сыграла и здесь злополучная процентомания. Как верно заметил выступавший: борются с хулиганством — статистика отражает рост его, ослабили борьбу — картина «благополучная». При этом любой начальник отделения милиции знает, что если у него обнаружится по статистике рост тех или иных преступлений, то, кроме неприятностей, он ничего не наживет, независимо от того, как обстоит дело в действительности.

Вот почему во время усиления борьбы с хулиганством приходится порой предупреждать работников милиции, что «проценты» не будут-де поставлены им в укор.

Исследование истоков преступления, путей борьбы с ним должно вестись, заметил Арбатов, комплексно: и учеными-криминалистами, и педагогами, и психологами, и экономистами. Одним правовым просвещением многого не сделаешь. Мы же интересуемся человеком лишь на производстве. Ушел он с работы — и на этом обрывается с ним связь. Вот почему происходят иной раз такие неожиданности: фамилия молодого человека значится на доске передовиков, а сам он предстает на суде как преступник.

Предоставим слово другому участнику совещания — заместителю директора Института права Академии наук СССР проф. В. М. Чхиквадзе.

— Мне хотелось бы остановиться на вопросе о разумной, эффективной борьбе с преступностью. Что я понимаю под этим? Наличие хорошего законодательства. Мы можем сказать, что по духу своему, по классовому содержанию, по целям, по демократической основе и гуманизму советское право — право высшего типа. Но за этим верным определением мы порой не видим серьезных пробелов и недостатков. А если видим — мало об этом пишем. Ведь есть противоречия в нашем законодательстве, не секрет, что очень отстало уголовное законодательство. Все это требует от представителей юридической науки серьезной работы.

Эту точку зрения целиком разделяет член липецкого областного суда В. И. Чепегин. Он не присутствовал на совещании, но хочется предоставить и ему слово для короткой реплики, как практику, адресующему законные упреки ученым-юристам:

— Нам хотелось бы получить ответы от наших ученых на спорные, неясные вопросы, возникающие при рассмотрении уголовных и, особенно, гражданских дел. Однако в монографиях и статьях ученые избегают поднимать острые вопросы. А спорных проблем накопилось много. В частности, многие законодательные акты, принятые в первые годы советской власти и ныне устаревшие, вызывают немало недоумений. В результате суды часто оказываются перед сложной проблемой: как свято соблюсти закон и в то же время учесть изменившиеся условия.

Сейчас, когда идет настойчивая борьба за всемерное укрепление социалистической законности во всех сферах государственной и общественной жизни, нельзя, как правильно замечают практические работники суда и прокуратуры, оставлять открытыми, без серьезной разработки такие проблемы, как законность и целесообразность.

Проблемы подобного рода часто встают во всей своей остроте перед любым рядовым работником милиции. К примеру, милиционер задержал хулигана, оскорбляющего нецензурной бранью прохожих. Милиционер уверен, что целесообразно, необходимо его наказать. Но он одновременно знает, что в Кодексе нет закона, на основании которого этот задержанный им оскорбитель понесет заслуженное наказание. То же самое и в борьбе с нищенством. Здесь также нужен закон, который помогал бы применять эффективные меры против нищенства. Ведь общеизвестно, что на путь подобного вымогательства встают чаще всего тунеядцы, ищущие легких заработков.

Примеры эти привел в своем выступлении начальник одного из отделов Московского уголовного розыска подполковник А. И. Брагилевский. Особенно подробно остановился он на мерах, которые должны предупреждать преступления. Трудно не согласиться с ним, что во многих наших культурно-просветительных учреждениях царят коммерческий дух, казенщина и скука, что крайне мало выпускается на экраны сатирических, короткометражных фильмов, которые бы зло высмеивали праздно болтающихся молодых людей, что работники культурного фронта забывают порой о такой массовой воспитательной работе, как бесплатная демонстрация фильмов на площадях, в парках. А это практиковалось в первые годы жизни Советской республики.

Некоторые участники совещания отмечали серьезные недостатки в работе исправительно-трудовых лагерей, в постановке воспитательной работы. В значительной степени эти просчеты объясняются, как сказал в своем выступлении подполковник А. А. Миляев, тем, что ученые-юристы уклоняются от глубокой разработки принципов исправительно-трудовой политики. — Теория перевоспитания и исправления преступников едва ли не самая запущенная, — утверждал тов. Миляев. Далее он говорил о том, что волновало большинство участников совещания, — о роли и задачах нашей печати, художественной литературы в воспитании человека.

Многие отмечали, что и газеты и наши издательства за последнее время чаще стали уделять внимание вопросам правового воспитания, борьбе с преступностью. Больше издается приключенческих книг. Но к выпуску их подходят нередко легкомысленно, и «Литературной газете», говорил подполковник П. Д. Скорин, надо критически разобраться, что в этом жанре заслуживает поддержки, а что является браком, приносящим не пользу, а вред.

О различных наболевших вопросах правового воспитания, о совершенствовании законодательства, мерах борьбы с преступностью говорили участники совещания: заместитель начальника Управления МВД гор. Москвы комиссар милиции 2 ранга Г. В. Соколовский, начальник Отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах (Брянская область) А. С. Радонцев, писатели Л. Р. Шейнин и М. Д. Ройзман, работник Института криминалистики Прокуратуры СССР, кандидат юридических наук А. Н. Васильев, юрисконсульт правления Союза писателей А. И. Орьев и др. Единодушно поддержали выступавшие большинство выдвинутых в статье «О правовом воспитании» предложений. Давно назрела необходимость решить вопрос об издании ежемесячного популярного журнала, посвященного вопросам правового воспитания. Нужно привлекать к решению этих проблем писателей, работников театра, кино, телевидения. И, наконец. Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний пора заняться по-настоящему правовой пропагандой.

В Урнекский зерносовхоз Кустанайской области Казахской ССР на помощь в уборке урожая прибыли 26 венгерских товарищей. Они будут работать в восьмой тракторно-полеводческой бригаде. Среди венгерских товарищей опытные специалисты сельского хозяйства — комбайнеры, трактористы, шоферы и механики. Шесть человек награждены орденами своей родины. Над полевыми вагончиками, в которых разместились гости, подняты трехцветные национальные флаги Венгерской Народной Республики. Один из них (см. снимок) водрузил Ласло Мошгер, комбайнер из госхоза Тисафюред.

Фото Ю. НЕМОВА

Издано на грузинском языке

Из года в год расширяется в Грузии издание произведений писателей братских республик. Так, издательство «Сахелгами» завершило выпуск на грузинском языке «Избранного» великого азербайджанского поэта Низами. Вышел в свет сборник «Утро Армении», в который включены произведения классиков и современных армянских писателей.

Грузинские читатели получили первую книгу двенадцатитомного собрания сочинений А. М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Избранное» А. Суркова, сборник стихов белорусского поэта Я. Купалы. Отдельной книгой издана поэма «Ленин» азербайджанского поэта Р. Рза.

В комиссиях по литературному наследству

Комиссия по литературному наследству Артема Веселого (председатель комиссии В. Гроссман), созданная Союзом писателей СССР, в основном закончила свою работу.

Предполагается издать в ближайшее время избранные произведения Артема Веселого: «Россия, кровью умытая». «Реки огненные», «Гуляй Волга», очерки и рассказы (предисловие М. Чарного).

КИЕВ. (Наш корр.). Президиум Союза писателей Украины принял решение о создании комиссий по литературному наследству О. Досвитного (председатель П. Панч) и Д. Гофштейна (председатель Н. Терещенко).

МИНСК. (Наш корр.). Президиум Союза писателей Белоруссии создал комиссию по литературному наследству прозаика Платона Головача (председатель А. Кулешов).

ФЕЛЬЕТОН

Разговор с фининспекторами

«Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон» — поэта требует фининспектор для разговора крутого и нелицеприятного.

— Больно богато живете, сударь! — говорит представитель финансовых органов.

Поэт удивленно пожимает плечами; он необдуманно приводит одну из неопубликованных строф известного поэта-песенника:

— Нет, не вышел я в классики,
Нет ни дачки, ни пасеки...

— Ага, не вышел в классики? — оживляется представитель финансовых органов. — Вот это и скверно. С классиками у нас полный ажур. Они проходят по безгонорарному фонду, широко используются для санирования баланса. Понятно?

Поэт-неклассик вздыхает:

— Нет, непонятно.

— Ну, как же?.. Пушкин, Лермонтов, Гоголь преотлично печатаются и никакого гонорара не требуют. Опять же Толстой, Чехов, Горький... Видели, какой том Гончарова отгрохали в издательстве? «Обрыв» называется. Глыба! — и ни копейки гонорара. А вы? Вы за каждую строчку требуете. На что это похоже!?

Поэт-неклассик, окончательно погрустнев, элегически высказывает соображение, которое должно бы утешить финотдельца:

— Придет время, будут и меня товарищи потомки печатать по безгонорарному фонду.

Финотделец всматривается в свежее лицо поэта и осуждающе качает головой: дескать, долго ждать, сударь, пока ты откочуешь в мир иной и не будешь портить нервы порядочным людям.

...Представитель финоргана, назовем точнее, старший экономист Сталинградского облфинотдела Е. Я. Наумова и ее напарница главный бухгалтер областного управления культуры А. Г. Головцова, действуя в качестве ревизоров, наседают на директора Сталинградского книгоиздательства Т. И. Белову:

— Забаловали авторов, развратили! Что ни книжка, то сущее гонорарное расточительство. С какой стати выплачен удвоенный гонорар Костину, Лобачеву, Мизину, Сухову, Матушкину и многим другим? Полагается тысяча пятьдесят рублей за лист и — точка, закон! А вы им по две тысячи отваливаете, а иным даже с хвостиком.

Директор издательства разъясняет, что удвоенных гонораров никому никогда не случалось выплачивать. Платят по закону об авторском праве применительно к областным издательствам.

Оказывается, ревизоры имеют в виду именно этот же самый закон. В нем, как убедились ревизоры, низшая ставка за лист художественной прозы определена в 1050 рублей.

— Почему нарушаете закон?

— Да нет же, не нарушаем. Почему мы должны выплачивать авторам только низшую ставку?

— А потому, что только она и утверждена областным финотделом. Никаких других ставок в Сталинграде нет и не может быть.

Следует заметить, что этот местный «закон» вот уже третий год вколачивается в головы издательских работников с тем рвением, которое свидетельствует о недюжинных «творческих» способностях местных законодателей. Издательские работники в меру своих сил сопротивляются, а потому реизменно ходят в «нарушителях», подвергаясь всяческим притеснениям и заушательству.

Однако продолжим запись диалога.

— Какое вы имеете право, — спрашивают ревизоры, — платить больше тысячи пятидесяти рублей за лист, скажем, Николаю Сухову, автору романа «Казачка»? Ведь он же, подумать только, несколько раз перерабатывал свое произведение!

— Это и хорошо, Лев Николаевич Толстой тоже переписывал, перерабатывал свои произведения по шесть, по восемь, по двенадцать и более раз. От этого они становились только лучше.

Ревизоры расхохотались:

— Толстой? Граф Лев? Переписывал свои произведения? Расскажите эту сказку грудным младенцам, может быть, они и поверят. Какой же порядочный автор станет переписывать свое произведение? А раз уж он переписывает, значит, пустяковый автор и писать не умеет. Потому-то Сухову и дали московского редактора Юрия Либединского.

— Но помилуйте! У Толстого тоже были московские редакторы. И это не потому, что у него рукописи были недоработанные и переписывались много раз...

— Толстой безгонорарник, и нечего о нем толковать...

Ревизоры остались на своей твердокаменной позиции, каковую и изложили в акте ревизии от 2 июля 1956 года на странице пятой. Записывали с первого раза, без всякой переписки, то есть вполне «квалифицированно». Вот цитата из этого акта:

«Произведение несколько раз перерабатывалось и вышло в свет только после редактирования его высококвалифицированным писателем т. Либединским. Согласно авторского права и возможностям по смете ему, автору, следовало оплатить из расчета 1050 руб. за авторский лист».

Сакраментальную цифру «1050» ревизоры предложили впредь выдерживать неукоснительно и не превышать ни при каких обстоятельствах, ни для каких авторов, ни для каких произведений.

Ревизоры указали также, что пора образумить поэтов, пора отучиться от порочного построчного счета, чтобы подогнать гонорар под тысячу пятьдесят за печатный лист.

Руководители издательства пробовали возражать:

— *При таком «законе», пожалуй, любой* из авторов скажет: «вот вам, товарищи, мое стило, и можете писать сами!». Уйдут от нас все авторы и не вернутся.

Это только рассмешило ревизоров:

— Авторы уйдут? Подумаешь, беда какая! Эти уйдут, другие придут, напишут за любую цену...

***

Кабы знал иной обыватель, кабы ведал, что такое труд писателя. Сколько мук в его творчестве, сколько препятствий на его пути! Сколько несбывшихся надежд и несвершенных замыслов!..

А ему, этому умному обывателю, кажется: сидит некто, именующий себя писателем. Пописывает то, что ему в голову взбредет. Пописывает да переписывает. А ты ему, шучему сыну, выкладывай наличными. Нет того, чтобы поскорее перейти в безгонорарные...

Когда так думает вместе с обывателем представитель финансовых органов, — бог финансов ему судья.

Но когда об этом же твердит представитель управления культуры, задумываешься: кого он-то, этот представитель, представляет в данном случае?

Но, независимо от этого, вот о чем нужно подумать: какое же действенное оружие следует вложить в руки работников местных издательств для того, чтобы они смогли успешно отражать атаки описанных нами ценителей литературного труда?

Иван ЕГОРОВ

СТАЛИНГРАД

От жюри Всесоюзного конкурса на лучшие киносценарии

Жюри Всесоюзного конкурса на лучшие киносценарии, объявленного в ознаменование 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, доводит до сведения всех участников конкурса, что в связи с большим количеством заявлений, поступивших в республиканские оргкомитеты, срок представления рукописей на первый тур продлен до 1 октября 1956 года.

Результаты конкурса будут опубликованы 15 декабря 1956 года.

Авторы, представившие рукописи к установленному ранее сроку, т. е. к 1 августа с. г., имеют право прислать в оргкомитеты республик доработанные варианты сценариев.

Куйбышевский ток пойдет на Урал

На северо-востоке Куйбышевской области в районе села Русское Добрино и железнодорожной станции Шелашниково появились строители электросетей. Коллектив треста «Волгоэлектросетьстрой» приступил к сооружению бетонных фундаментов под металлические опоры, на которые будут подвешиваться электрические провода.

Здесь проходит один из участков высоковольтной линии Куйбышевская ГЭС—Урал, строительство которой началось в этом году. Длина линии — 1.148 километров. Она протянется от Жигулей через Бугульму — Златоуст — Челябинск до Свердловска. По ней волжский ток пойдет на нефтепромыслы Татарии, на предприятия Урала.

К концу 1957 года намечено закончить строительство линии до Златоуста, а в третьем квартале 1958 года — до Свердловска.

Поэты и композитор

◇

Заметки о вокальных циклах Георгия Свиридова

◇

С ТЕХ ПОР, как С. Я. Маршак в легких и звонких строфах своих стихотворных переводов раскрыл перед нами неувядаемую красоту поэзии Бернса, советские композиторы не раз уже черпали свое вдохновение в этом чистом песенном роднике.

Среди многих песен и романсов, написанных на тексты Бернса, совершенно особо следует отметить вокальный цикл Георгия Свиридова. Многим привлекает слушателя эта талантливая музыка — и свежестью мелодического и гармонического языка, своеобразной выразительностью фортепианного сопровождения, простой и меткой образностью... Не только досконально изучив, но и «впитав» в себя романсовую лирику Бетховена и Мусоргского, Шуберта, Шумана, Чайковского, смог Свиридов создать свою проникновенно-грустную, чудную «шубертианскую» «Осень», своего «Робина», драматический монолог «Всю землю тьмой заволокло...».

Композитор выбрал для своего цикла самые разные произведения Бернса: здесь и рассказ вернувшегося домой солдата, и стихи об убеленном снегом Джоне Андерсоне, о проказнике Финлее, о любви и старости...

Девять романсов Свиридова составляют единый цикл. Это цикл о гордых и прекрасных простых людях из народа. Не случайно последний, венчающий цикл романс-песня «Честная бедность», звучащий, как гимн, словно собирает под свое знамя честных бедняков, прошедших перед нами в предыдущих эпизодах цикла, всех, кто живет «в труде, в нужде» и составляет — по Бернсу — подлинную знать.

Таким образом, Свиридов — и это естественно для советского композитора — прекрасно почувствовал и понял плебейскую природу поэзии Бернса, его страстную любовь к народу, веру в счастливое будущее, когда «все люди станут братья».

Пожалуй, лучшими в цикле представляются мне «Осень», «Честная бедность» и «Возвращение солдата».

Повествование в этом третьем романсе ведется от имени самого солдата, спешащего с войны домой на свидание к милой. Она в первые минуты не узнает солдата, и эта маленькая, данная как бы невзначай деталь необычайно многозначительна, ибо сразу определяет сроки разлуки. Но тем более волнующе-трогательно звучит финал этой крошечной «музыкальной новеллы» — о верности сердца, о большом маленьком счастье простого солдата. Какими скупыми, можно сказать, минимальными художественными средствами пользуется композитор в своем рассказе! Лишь 2—3 мелодические фразы проходят как лейттемы через весь романс — лексикон солдата не так уж и богат ведь. Но повторы имеют здесь и другой смысл: о чем бы ни рассказывал солдат, что бы ни попадалось у него на пути, — в голове и сердце у него только одна мысль, одно чувство, одно устремление... При крайней экономии средств Свиридову, однако, удается передать в музыке тончайшие психологические нюансы и детали. Как чудесно, например, «спорят» мажор с минором в момент, когда на глаза Анны, вспоминающей далекого возлюбленного, набегает на миг облачко грусти. Композитор мастерски варьирует основной тематический образ, меняет его «освещение» и краски... Но одно при этом остается неизменным — **темп** повествования. Казалось бы, все возрастающее волнение должно было заставить идущего понемногу все более убыстрять шаги, под конец даже и бежать. Но нет, композитор не позволяет этого своему герою. Почему? Потому, что солдат не просто идет, он **марширует**. Да, он **уже не солдат**, не служивый, а свободный, вольный человек, и все же по привычке, которая стала его второй натурой, он еще марширует. И две легкие шестнадцатые в фортепианной партии, как барабанная дробь, в течение всего романса отбивают воинский шаг... Да, пожалуй, только музыка вот так, порой легким изгибом мелодии, еле уловимой модуляцией, умеет раскрыть целый мир! Но только большой мастер, композитор-поэт может овладеть этой магией искусства звуков.

Свиридов написал цикл превосходных романсов. И все же хочется кое о чем с ним поспорить. Мне кажется, что Бернс излишне драматизирован в музыке Свиридова, чрезмерно осложнен психологическим подтекстом. Свиридов как будто забыл, что Бернс — народный поэт-песенник XVIII века, что юмор, веселый, подчас «соленый», озорной,— один из важных, неотъемлемых компонентов его стиля. Даже в романсе «Финдлей» — по-своему интересном — не чувствуется юношеского пылкого задора «его», мягкого хитрого лукавства «ее»; в диалоге мало «игры», которой увлечены оба.

И юмор, и смех, и народная песня Бернса — это его оружие в борьбе с богатыми. Значит, и эти важнейшие качества и свойства Бернса тоже отражают в себе его демократизм, гордое свободолюбие, протест против общественного неравенства, несправедливости, ханжества — то есть все то, что так нам близко, особенно дорого и понятно в его творчестве, что замечательно передал в переводах Маршак, сумевший, свято сохраняя дух подлинника, стиль эпохи, сочетать все это с чувством нашей современности. Этого искал в Бернсе и сам Свиридов. Не вправе ли мы поэтому сказать, что, не обратив должного внимания на юмор, на смех великого шотландца, Свиридов сам себе переступал дорогу к подлинному Бернсу?

Надо отдать справедливость, и поэма «Памяти Сергея Есенина» представляет большой интерес. Новое произведение захватывает слушателя. И захватывает, может быть, прежде и больше всего атмосферой русской музыки, идущей от эпической народной песенности, от Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, Рахманинова. Как неожиданно много эти музыкальные ассоциации дают для понимания поэзии Есенина! В этом смысле впервые, кажется, в нашей музыке Есенин нашел «подходящего» ему, «своего» композитора. Совсем по-новому воспринимаешь есенинские стихи в «интерпретации» Свиридова.

Неизъяснимой грустной прелести исполнена заставка поэмы «Край ты мой заброшенный...». «Зимой» (№ 2) — «вьюга с ревом бешеным стучит по ставням свешенным», а бедным пташкам у мерзлого окна снится «прекрасная, в улыбках солнца, ясная красавица весна», — и как чудесно эта весна приходит в музыку Свиридова! Как нежны в эти мгновения женские голоса хора и тающий хрустальный перезвон оркестра!

Могуче, совсем по-мусоргски звучит «Молотьба», с хоровыми перекличками работающих женщин и мужчин, — народная массовая сцена летней трудовой страды.

«Ночь на Ивана-Купала» (№№ 5 и 6) полна таинственных отголосков древнего обрядового действа и моментами совершенно «снегурочкиных» красок «берендеева царства». Только эти краски у Свиридова более терпки и темны.

Потрясает своим человечным трагическим пафосом предфинальный эпизод поэмы «Я последний поэт деревни». Здесь тоже невольно вспоминаешь Мусоргского.

Немало хорошей музыки и в других звеньях «есенинского» цикла Свиридова (их сейчас десять). И, однако, приходится констатировать: единого, законченного произведения — поэмы, запечатлевшей творческий облик Есенина, на наш взгляд, у Свиридова пока не получилось.

Если верить пояснениям, напечатанным в программке концерта, в поэме Свиридова «первые шесть эпизодов рисуют картины старой крестьянской России... Последние четыре эпизода повествуют о новой России».

Очевидна некоторая искусственность данного замысла — нарисовать объективную картину жизни русской деревни, пользуясь стихами самого, может быть, субъективного из русских поэтов. Не в угоду ли надуманному принципу композитор решил взять для своего цикла по преимуществу «внеличные», описательные стихи, почти вовсе отказавшись — и с этим слушателю примириться труднее всего! — от есенинской лирики сердца, от стихов, посвященных юношеской любви... Но можно ли воссоздать творческий облик Есенина, аскетически отвернувшись от есенинского «половодья чувств» и «кипятка сердечных струй», забыв про тальяночку и «белых яблонь дым», минуя «Песнь о собаке».

Но важно не только это. Нельзя было, конечно, и ждать, чтобы в первых шести есенинских текстах поэмы была развернута широкая, а тем более претендующая на полноту картина жизни старой деревни. Но вот третий эпизод цикла составляет стихотворение «В том краю, где желтая крапива» — о Руси, которая затерялась в Мордве и Чуди, о дороге до сибирских гор, по которой идут люди в кандалах — «все они убийцы или воры». Для Есенина определенного периода стихотворение это, безусловно, характерно. А для правдивой картины старой Руси — достаточно ли только такой дороги в Сибирь?

Еще уязвимее в этом плане вторая часть цикла. Из четырех ее эпизодов фактически только два первых — «1919...» и «Крестьянские ребята» — посвящены непосредственно дореволюционной деревне. Второй из них — отличная частушка. А текст «1919...» приведем полностью:

Ой, ты, синяя сирень, голубой палисад,
На родимой стороне никто жить не рад.
Опустели огороды, хаты брошены,
Заливные луга не покошены.
И примят овес, и прибита рожь,—
Где ж теперь, мужик, ты прячешь
найдешь?..

Для характеристики 1919 года, прямо скажем, маловато! Если даже счесть, что следующие непосредственно за этим «Крестьянские ребята» являются продолжением и «ответом» на «1919...», — не следовало, мне кажется, ограничивать картину новой революционной деревни этими двумя небольшими сценами.

Заключительные звенья цикла — «Я последний поэт деревни» и «Небо — как колокол» — возникают совершенно неожиданно и звучат в полном отрыве от всего предыдущего. При этом музыкальной и психологической кульминацией свиридовского цикла оказались именно эти два последних, несомненно, самых сильных эпизода — эпизода, отданных как раз «личной» теме. Здесь же сконцентрирована и тема трагической катастрофы Есенина.

Но как же так получилось? Иль, может быть, именно этого и хотел, к такой «диспропорции» общественного и личного сознательно и стремился в своей поэме сам Свиридов, и тут — как считают некоторые — даже особая заслуга композитора, не побоявшегося-де острой темы, обнаженной и горькой правды?

Мы должны категорически опровергнуть это предположение и защитить Свиридова. Защитить отчасти... от него самого.

В самом деле. Поглядите, после стихов «Я последний поэт деревни» — на них Свиридов вовсе не хочет ставить точку — как отрицание, как преодоление их трагического смысла, следует: «Небо — как колокол, месяц — язык, мать моя — родина, я — большевик»! Но преодоления и отрицания тут все же не чувствуется. Почему? Прежде всего потому, что такое прямолинейное, в лоб, сопоставление двух текстов таит в себе неразрешимое противоречие: «часы... прохрипят мой двенадцатый час», и рядом, тут же: «я — большевик». Но, скажут, ведь и то и другое принадлежит Есенину. У него самого в душе было это противоречие. И насильственно его ликвидировать или отбросить — не будет ли затушевыванием правды, лакировкой его образа?

Но ведь под занавес, финальным аккордом всего цикла провозгласить Есенина большевиком как раз и было бы доподлинной и ненужной лакировкой. Ибо на самом деле Есенин не был, не стал большевиком. И лишний раз убедиться в этом можно хотя бы по тем же стихам «Небо — как колокол», в котором Есенин «ради вселенского братства людей» провозглашал жертвенную гибель материнства и готов был «радоваться песней» ее смерти... Как бесконечно далеко это от истинного понимания нашей революции!

Не могут эти стихи «преодолеть» предыдущего трагического монолога. Тем более, что и в музыке Свиридова, в финальном хоре, глубоко отразилось противоречие есенинского текста: в ней самой не ощущаешь достигнутого перелома, нового качества. Это никак не песнь возрождения. И недаром про ее тяжелые немолчные набатные звоны хочется сказать словами самого Есенина: они как будто «панихидный справляют пляс»...

Таким образом и выходит — смерть подводит итоговую черту в поэме Свиридова. А ждешь вовсе другого финала. И не потому, что нынешний трагичен. Свиридовский Есенин совершенно далек от традиционной пьяной «слезы», от рассиропленной жалостливости и надрывной цыганской мелодрамы, которые так настойчиво приписывались Есенину. Композитор резко рвет с таким взглядом на поэта. Свиридов «вычитал» в Есенине и воплотил в лучших номерах своего цикла (в богатырской «Молотьбе», в «Ночи на Ивана-Купала» и др.) такое тонкое и глубокое чувство народности, нашел в есенинских образах столько здоровой и неиссякаемой народной фантазии, столько могучих, нерастраченных сил, а в своей «есенинской» музыке добился такой строгой «классической» ясности и объективности, что торжество смерти, как оно дается в коде поэмы, не только не вяжется со всем предыдущим ее содержанием, но и явно противоречит ему.

Чтобы создать достойный музыкальный памятник своему любимому поэту, чтобы верно очертить его облик, Свиридову нужно взять все живое, все лучшее, наиболее характерное и неповторимо индивидуальное в творчестве Есенина. И, конечно, не закрывать глаза и на трагическое, тяжелое, темное в его личной и поэтической судьбе.

Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою...

— сказал о себе Есенин. В этих словах истоки и объяснение трагедии Есенина. Но, передавая эту трагедию, необходимо ярче и отчетливее показать и искреннее, горячее, светлое стремление Есенина постичь революционную новь, не рисуя его большевиком, не оставлять Есенина и за околицей старой деревни.

Памятуя все это, мы и считаем, что поэмы, как единого и законченного целого, в партитуре Свиридова пока еще нет. А есть лишь серия в большей своей части превосходных, самостоятельных вокальных номеров на тексты Есенина.

Для того, чтобы стать поэмой, этот «строительный» материал должен быть доработан, частично переработан, дополнен. Завершения этого творческого пересмотра, настоящего рождения поэмы, сулящей нам новое «открытие Есенина» в музыке, с нетерпением будут ждать все те, кто успел оценить и полюбить замечательный композиторский талант Г. Свиридова.

М. СОКОЛЬСКИЙ

Сатира Ивана Франко в период гражданской войны

В дореволюционное время русские читатели были мало знакомы с творчеством И. Франко. Его произведения запрещались цензурой. И все-таки, благодаря стараниям А. М. Горького, М. Коцюбинского, Леси Украинки и других деятелей культуры, кое-что было переведено на русский язык и издано в России.

В 1906 году в Петербурге вышли из печати сатирические рассказы И. Франко. Они были отобраны из громадного количества произведений писателя не случайно. Очень многое в них перекликалось с русской действительностью тех времен.

В годы гражданской войны Отдел агитации и пропаганды Государственного издательства обратился к сатире И. Франко, чтобы использовать ее в качестве агитационного материала.

В 1919 году в серии так называемых «Рабоче-крестьянских листовок» под № 29 был издан рассказ И. Франко «Свиная конституция».

Рассказ напечатан крупным шрифтом, так как выпуски предназначались для широких кругов народа. Представляет интерес предисловие к брошюре. Автор его (фамилия, к сожалению, не указана) кратко останавливается на характеристике жизни в Галиции, говорит о сущности реформы 1848 года в Австрии, сравнивает ее с русской реформой 1861 года и делает вывод, что все «буржуйские» свободы «свиные», «обманные», что только советская власть способна обеспечить трудящимся настоящую и полную свободу.

На последней странице брошюры приведен список вышедших листовок. Среди них — «Рабочие и крестьяне Украйны, как добиться свободы от буржуев?», «Уральцы, добьем Колчака», «Что крестьянину делать надо, чтобы скорей врагов рабоче-крестьянской власти уничтожить».

Рассказ И. Франко встал в один ряд с общественно - политическими брошюрами и боевыми листовками, как яркое свидетельство высокой художественной и идейной значимости произведений украинского классика.

А. ДАНИЛКО
ОДЕССА

Специфика критической дубинки

Чингиз ГУСЕЙНОВ,
Юрий СУРОВЦЕВ

Представим себе, что мы должны оценить новую машину, которая придумана и сделана не нами, но которая, после нашего суждения и в зависимости от него, будет или запущена в серийное производство, или пойдет в переплавку как неудачная. Сможем ли мы ограничиться тем, что назовем ее «хорошей» или «плохой»? Нет, конечно, — если мы обладаем чувством ответственности. Ну, а если от нас ждут убедительного доказательства своей оценки, а мы продолжаем бездоказательно бубнить: «Увы, товарищи, машина плоха, плоха...» или, наоборот: «Ура, товарищи, она просто великолепна», — разве не будет тогда справедливым заподозрить нас в легкомыслии, или некомпетентности, или в желании увильнуть от серьезного обсуждения, или, наконец, в личной пристрастности, которая заставляет нас «проталкивать» машину, несмотря на ее очевидные слабости, или, наоборот, «замораживать», несмотря на все ее большие достоинства?

Без аргументаций, без доказательности нет ни науки вообще, ни серьезного научного спора в частности. В споре побеждает тот, кто привел самые сильные, самые неотразимые доводы, в склоке, в перебранке — тот, кто кричит больше, грубее и громче...

Литературный критик оценивает художественное произведение — вещь не менее сложную и требующую не менее серьезного подхода, чем любая машина. Критику положено знать и понимать как общие специфические закономерности литературы, так и специфику жанра, в котором написано произведение, своеобразие замысла автора, своеобразие его интересов, предшествующий творческий путь и т. д. Естественно предположить, что критика вдохновляет забота о развитии советской литературы, что им движет стремление **убедить** других в правоте своего решения вопроса, своей оценки литературного произведения. Критика — не отдел технического контроля в литературе, который, не вдаваясь в объяснения, оценивает готовую продукцию: «годна, пропустить» или беспощадно — «брак!». Критик должен **объяснить**, почему данное явление литературы хорошо или плохо, что именно в нем хорошо и что именно плохо.

Мы просим прощения за повторение столь известных и само собой разумеющихся истин, но их — увы! — приходится иногда повторять. В этой связи нам хотелось бы остановиться на некоторых критических статьях, опубликованных в азербайджанской газете «Эдебийят ве инджесенет» («Литература и искусство»).

Такие статьи за их тон и направление принято называть «проработочными». Неприятный эпитет этот, по нашему мнению, вполне приложим к редакционной статье «Об одной повести» (о сатирической повести молодого прозаика А. Сейфеддина «Вергюльга Нокгелеров», «Эдебийят ве инджесенет» от 11 марта 1956 г.), к статье Камрана Мамедова о романе «Годы проходят» И. Касумова и Г. Сеидбейли (10 июня 1956 г.) и к статье за подписью «Наблюдатель» о сценарии Г. Сеидбейли «Под знойным небом» (8 июля 1956 г.). Эти три статьи родственны по резко проработочному духу, недоброжелательному тону.

...Впрочем, не будем забегать вперед. Почему бы и не «проработать» в пух и прах рецензируемое произведение, если оно того только и заслуживает? Почему бы и не дубинка, пресловутая критическая дубинка, если нам **докажут**, что единственно возможный отклик на данную вещь — применение именно этого инструмента?

Если нам докажут...

Молодой прозаик А. Сейфеддин в своей повести «Вергюльга Нокгелеров», утверждает газета, «полностью встал на ошибочный путь». Его повесть «вызывает недовольство у читателей прежде всего потому, что это нехудожественное произведение. Для доказательства этого положения нет необходимости перечислять здесь все законы, все правила художественной литературы, достаточно сказать лишь одно, что это произведение написано без мысли, без цели, оно является собранием пустых, бессмысленных выдумок, призванных вызывать смех среди обывателей, оно не имеет ничего общего с подлинной советской сатирой». Еще бы! В повести «нарушены важнейшие особенности советской литературы — принципы реализма, идейности, партийности и народности» (редакционная статья «Об одной повести»).

Выслушаем мнение о другом произведении. Писателям И. Касумову и Г. Сеидбейли, считает газета, присущ «один (один!) серьезный недостаток». «Он заключается в том, что авторы испытывают затруднения при создании образа и типа азербайджанца, они плохо знают семейную жизнь и быт азербайджанцев, их речь и обращение» (К. Мамедов — «О романе «Годы проходят»). Не правда ли, для **азербайджанского** писателя такой «недостаток», даже если он и «один», вполне достаточен, чтобы никогда к перу не прикасаться.

И, наконец, еще одна «экзекуция» Гасану Сеидбейли за сценарий «Под знойным небом»: «Автор выдумал свое произведение от начала до конца, заполнил его не имеющими жизненной основы событиями, механически нанизал одну за другой отдельные сцены, известные нам из ряда других произведений, он написал безыдейный сценарий» (Наблюдатель — «Повесть и сценарий»).

Плохо, очень плохо, ничего не может быть хуже!

Трах, трах, трах!

Дубинка в роли «орудия исследования»!.. Дубинка способна «наказывать» — это так! А вот исследовательско-аналитические функции дубинке, по ее специфике, были до сих пор противопоказаны. Но, может быть, в данном случае мы имеем дело с особой дубинкой?

Начнем с повести А. Сейфеддина. Писатель решил высмеять бездарного честолюбца, у которого желание властвовать, командовать другими (пусть хоть ребятишками в детстве, пусть хоть сборщиками утиля) вытравило человеческие качества — любовь к жене, уважение к родителям и родственникам и т. д. Нокгелеров любит только себя, даже не себя (себя он не жалеет, «работает» до изнеможения), а свои бюрократические атрибуты «власти» — красный карандаш, круглую печать и т. п. Бездарный человек, Нокгелеров возомнил себя Наполеоном, почему и попадает в смешные, прямо-таки дурацкие положения. Перед нами заявка на сатиру, причем гротескную. Нокгелеров задуман не как живой человек, а как маска — маска одуревшего честолюбца. **Соответственно такому замыслу** (а он вполне законен) А. Сейфеддин строит «невозможный» сюжет, использует карикатурные детали и т. д.

Просим правильно нас понять: мы вовсе не считаем повесть А. Сейфеддина образцом сатиры, мы вообще не ставим здесь перед собой задачу анализировать ее. Мы защищаем не повесть от критики, а критику от профанации: одно дело литературная критика — занятие, как нам думается, серьезное и полезное, другое — безответственное приклеивание ярлыков, яростное размахивание дубинкой.

А. Сейфеддин пишет, что мечта о собственном кабинете, казенной печати, сейфе и т. д. для Нокгелерова «затмила, закрыла, сделала невидимым не только все учреждение, но и всю землю». Редакционная статья именует это искажением действительности, пустой выдумкой автора: не надо, мол, преувеличивать, таких людей не бывает.

Нокгелеров, обалдевший от своего первого успеха на служебной лестнице, заставляет домашних называть себя «товарищ Нокгелеров», а дочь назначает секретаршей. Редакционная статья сурово обрывает писателя: карикатура, так не бывает!

Вергюльга Нокгелеров появился на свет божий ногами вперед. Откуда-то он узнал, что с младенцем Наполеоном при рождении тоже произошло нечто необычное. Вергюльга рад и горд — чем я хуже Наполеона? Авторы редакционной статьи негодуют: что за глупости, разве это сатира?

Сатирическое преувеличение и даже гротеск возможны, — «разрешает» писателям редакционная статья в «Эдебийят ве инджесенет». Но это чисто словесное разрешение. Стоило писателю А. Сейфеддину им воспользоваться, как раздался окрик: «Преувеличение вышло за свои рамки и набросило на все черную тень». Да полно — хотел ли автор, повествуя об одном отрицательном типе нашей жизни, показать в своем произведении «все»? И на что это на «все» наброшена тень, да еще черная? Где ты, логика, где ты, доказательность?

Нокгелеров стал «начальником» лавки по сбору утиля. В первый день к нему никто не пришел. От тоски Нокгелеров до одури накурился, грустно, мрачно у него на душе. И солнце над ним — мрачно. «Утром это небесное светило было похоже на красный арбуз без корочки, сейчас оно показалось товарищу Нокгелерову закопченным чугунным диском. «Какой хороший утиль, — прочитал товарищ Нокгелеров, — сейчас оно скроется, потеряется, как использованная, старая, ненужная вещь. Если б знать, где оно упадет, подобрать бы можно — план лавки на один день был бы выполнен».

Авторы редакционной статьи тут как тут: «...описания и луны, и солнца, и звезд, и облаков, и времен года очень пресны и уродливы. Почему? Чем они виноваты? Разве нельзя было изобразить их нормально?».

Бедный Николай Васильевич Гоголь! Представляете, что сказали бы ему в редакции «Эдебийят ве инджесенет»: ведь писатель позволил черту вообще украсть месяц и спрятать его в карман. Безобразие! Что это за обращение со светилами?! Разве нельзя было изобразить луну нормально?..

Заметные следы бездоказательности в соединении с нетоварищеским тоном спора, излишней «назидательностью» легко обнаружить и в других двух статьях, опубликованных газетой.

Как мы помним, К. Мамедов в своей статье (справедливости ради скажем, что эта статья из трех нами названных, пожалуй, все-таки наименее бездоказательна) упрекал И. Касумова и Г. Сеидбейли в том, что они плохо знают и изображают быт и психологию азербайджанцев. Посмотрим, чем доказывается это положение.

Героиня романа «Годы проходят» — молодая девушка Мариам, дочь старого нефтяника Мардана. Она полюбила простого, хорошего парня, шофера Селима, но отец, человек несколько деспотичный, считает, что Селим — не пара Мариам, что Мариам должна получить высшее образование и тогда найти достойного ее человека. Мардан препятствует свиданиям дочери с Селимом. Однажды он выслеживает Мариам. Происходит такая сцена: Мардан хочет сначала ударить Мариам, изругать ее, но, увидев решимость в ее глазах, начинает просить ее оставить Селима, умоляет дочь осуществить его, отцовы, мечты. А потом — опять угрозы.

Что же делает К. Мамедов с этой сценой? Он «опускает» ее начало и конец, то есть угрозы Мардана, и начинает рассуждать: да как же, мол, это может быть, чтобы старый, деспотичный Мардан стал уговаривать и умолять строптивую свою дочь, да где же «писательское чутье», и, наконец, самое убийственное и самое непонятное утверждение: «подобные сцены» (их, считает критик, в романе много) «находятся в противоречии с национальным колоритом, обычаями, традициями». Да почему же? Или критик думает, что у бессердечного человека (а Мардан даже не таков) не может быть моментов душевного просветления? Или национальный колорит, по мнению критика, проявился бы в том случае, если бы Мардан тут же, на месте «преступления», избил нежно любимую дочь?

В статье К. Мамедова, на наш взгляд, есть верные и доказательные упреки относительно некоторых лишних эпизодов в сюжете романа, недостатков языка и т. д. Но основной упрек критика принять, мы убеждены, нельзя. Во всяком случае он остался необоснованным.

И, наконец, третья статья, статья Наблюдателя о сценарии Г. Сеидбейли «Под знойным небом». Этот сценарий, как мы помним, выдуман от начала до конца, сплагиирован и вообще безыдеен. Мы не смогли прочитать этот сценарий: он не опубликован. Мы готовы даже предположить, что это очень слабое произведение. Но почитайте статью Наблюдателя — вы не останетесь спокойны, вы не скажете: «А! Раз это такая ерунда, то поделом ему и досталось», — наоборот, вы отнесетесь к статье с настороженностью.

Наблюдатель прямо, не стесняясь, утверждает, что такие произведения, как сценарий «Под знойным небом», протаскиваются на экран «в результате... ловкости автора». «...**Говорят**, что это стало возможным, благодаря «упорной борьбе» автора и давшего ему режиссерскую консультацию товарища Лятифа Сафарова. **Другие причины нам неизвестны»** (подчеркнуто нами. — **Ч. Г., Ю. С.**). Стало быть, на основании слухов, на основании безликого и всемогущего «говорят» можно бросать писателю публичное обвинение в том, что он ловкач и пройдоха?

Но не будем вдаваться в юридическую, так сказать, сторону вопроса. Посмотрим, как доказывает свою убийственную оценку Наблюдатель, какими инструментами подкрепляет он свою дубинку.

А никак и никакими. Такова уж обычная специфика дубинки. Дубинка никаких добавлений не требует.

Возможно, что некоторые частные упреки Наблюдателя справедливы: мы, повторяем, не читали сценария, и нас даже не интересует, каким образом рецензент мог прочитать неопубликованное произведение. Но вот главное, центральное его рассуждение, которое мы сочли нужным привести полностью, ограничив себя — из-за очевидности — краткими комментариями:

«Самая крупная ошибка Г. Сеидбейли в этом сценарии, — пишет Наблюдатель, — состоит в том, что он большее внимание уделил не развитию образов, а занимательности событий и приключений (будто одно всегда исключает другое. — **Ч. Г., Ю. С.**). Его главный герой Эльдар с самого начала и до конца произведения непосредственно в борьбе и движении событий не участвует. Он показан в больнице в процессе лечения, и, вполне естественно, его внутренний мир не раскрыт (не правда ли, бесподобное «естественно»! — **Ч. Г., Ю. С.**). Да и как он мог быть раскрыт, если автор, в угоду искусственному приему, умышленно отстранил Эльдара от участия в конфликте и даже лишил его дара речи. В начале произведения Эльдар, беседуя в лесу с любимой, неожиданно встретил пятнистого тигра. Тигр бросается на Эльдара. В это время экран темнеет. Лишь впоследствии выясняется, что Эльдар убил тигра, но оцемел в этой схватке. В связи с тем, что автор ограничил самую «сильную» сюжетную линию произведения восстановлением речи у Эльдара, нарушились законы реалистического советского искусства, и вместо живой жизни появилась «искусно» смонтированная смесь отдельных «эффектных» сцен из различных произведений. Здесь много эпизодов из «Алмас», «Ханлара», «Джунглей», «Доктора Калюжного», «Платона Кречета» и других подобных произведений».

Ну, что тут делать — смеяться или плакать? Принимать этого недоброжелательного Наблюдателя всерьез или рассматривать его как казус?

К великому сожалению, приходится принимать всерьез. Бездоказательная, нетоварищеская, проработочная критика появляется на страницах «Эдебийят ве инджесенет» не впервые. В чем же тут дело: в некомпетентности ли авторов (хотя в Азербайджане много талантливых, знающих критиков и литературоведов), или в непродуманной поспешности редакции газеты, или в слабом внимании руководителей Союза писателей Азербайджана к литературной критике? Удивления достойно, что азербайджанские писатели, критики, литературоведы не ведут на страницах печати обсуждения этого важного вопроса — о состоянии современной литературной критики в республике.

Тон, говорят, делает музыку. В современной азербайджанской критике, к сожалению, еще появляются печальные статьи-пережитки, статьи проработочно-бездоказательного «тона», отчего и «музыка» получается не та, которую хотелось бы слушать и за которую хотелось бы благодарить.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОБРАЗ И ЖИЗНЬ

Р. Агишев
ЗЕЛЕНАЯ КНИГА
«Советский писатель», 1956

Одним из главных героев романа Р. Агишева является реальное лицо — старый ученый селекционер Артемий Максимович Лукашов, в защиту которого в свое время выступал И. В. Мичурин. Это смелый человек, новатор, преобразователь природы; он покинул родные места, уехал в незнакомый край, чтобы здесь, в условиях Дальнего Востока, выращивать сады.

О делах и трудах Лукашова и его учеников, об их борьбе со сторонниками идеалистического направления в естествознании и написана «Зеленая книга».

Но, к сожалению, мы не находим в образе Лукашова такой силы, которой вправе были ждать. Образ Лукашова как бы лишен целеустремленности и вступает в противоречие с его биографией. Может быть, это объясняется отчасти тем, что роман начинается в тот период, когда Лукашов уже стар, когда он уже устал; борьбу за его идеи ведет уже не столько он сам, сколько его ученики. Автор, видимо, стремился точно передать свое личное представление о старом ученом, забывая о том, что подлинная правда жизни состоит в обобщении и типизации характеров. Здесь основной просчет Р. Агишева, основной недостаток «Зеленой книги».

Тем не менее многое в этом романе привлекает читателя.

Автор ведет рассказ взволнованно, эмоционально. Не только логикой рассуждений, но и силой личного убеждения утверждает Р. Агишев превосходство Лукашова и его учеников над формальным генетиком Шардиным. Своеобразна манера обрисовки характеров героев. Не впадая в гротеск, Р. Агишев резко кладет краски, что придает многим действующим лицам рельефность и выразительность. Наиболее удачны те образы «Зеленой книги», которые непосредственно связаны с развитием ведущего конфликта, активно участвуют в развертывающейся борьбе, — образы Гали Чудиновой и ее будущего мужа Александра Суровцева.

Столь же правдиво развитие характеров и отрицательных персонажей. Примечательно, что при всей резкости своего осуждения таких людей, как формальный генетик Шардин, приспособленец Рябчуков, Р. Агишев рисует их не одной черной краской, — эти люди, особенно Шардин, даны емко и выпукло.

Тем досаднее, что центральный образ романа получился бледнее остальных персонажей. Вообще, надо сказать, что, как только герои «Зеленой книги» выпадают из сферы труда, из прямого участия в основном конфликте, образы их тускнеют. Поэтому менее удачны те страницы романа, где автор пытается раскрыть личные взаимоотношения своих персонажей. Внутренний накал первых глав романа постепенно спадает, повествование становится вялым и менее интересным.

Через весь роман проходит любовь Гали Чудиновой к Суровцеву, много лет неразделенная. Александр знает о чувстве этой девушки, но не может ответить ей взаимностью. И вдруг Чудинова получает письмо от Суровцева, в котором угадывает проблески чувства. Галя едет в Хабаровск, и встреча на вокзале решает все — в тот же день она вступает в дом Александра как его жена.

Внешне все могло складываться и так. Но художник должен раскрыть внутреннее развитие отношений своих героев, а ему это не удалось.

Иногда кажется, что Р. Агишев как будто бы сомневается, может ли вызвать интерес у читателя его книга; тогда он, стремясь к чисто внешней занимательности повествования, вводит элементы мелодрамы в личную жизнь своих героев. Так, например, Шардин и Суровцев оказываются не только идейными противниками: они любят одну и ту же женщину. Слащава встреча во фронтовом госпитале Гали Чудиновой с Суровцевым.

Наконец, семейное счастье Суровцевых, видимо, показалось Р. Агишеву слишком идиллическим. В их отношениях наступает кризис лишь потому, что супруги... не хватало домработницы; после ее водворения в квартире в отношениях мужа и жены восстановились прежние понимание и близость...

Думается, что интересный роман Р. Агишева не нуждается в таких мелких, да и безвкусных украшениях.

А. ЛОЖЕЧКО

С ЧУВСТВОМ НОВОГО

Я. Вохменцев
СТЕПНАЯ ПЕСНЯ
Челябинское книжное издательство. 1955

Челябинское книжное издательство выпустило в свет сборник стихов Якова Вохменцева «Степная песня». Это не только стихи одаренного человека, они важны для нашей поэзии умением видеть новое в жизни деревни. Это их роднит с первыми книгами М. Исаковского «Провода в соломе» и «Мастера земли».

Автор сам живет и трудится в деревне, среди героев своих стихов, которых он видит в работе, в действии, в борьбе. Может быть, поэтому в книге нет бездумной созерцательности. Читаешь название стихотворения «Рожь колышется». Думаешь: это, наверное, тысячи раз петое и перепетое о том, как от ветра колышется рожь. Нет! Здесь совершенно новое: это, оказывается, скрытые высокими колосьями школьники идут с веревками — проводят искусственное опыление.

Поэт обновляет традиционные образы. В его стихах много зримых, выпуклых деталей, рисующих мир труда. Читаешь строки «вот береза над самой дорогою с натребленным сеном стоит»... На традиционном пейзаже словно остался след человеческого труда.

Стихи Я. Вохменцева отличаются динамичностью, энергией: «Мелькают крашеные крылья, сгибая буйные хлеба. И стала рогом изобилья четырехгранная труба». Поэт во всем чутко улавливает новое: «Шагает лошадь в ряд с машиной, косясь доверчивым зрачком. Ей трактор, пахнущий бензином, еще с рождения знаком». Это уже не тот «милый, милый смешной дуралей» из есенинских стихов, который не может понять, что «живых коней победила стальная конница», а его сегодняшний потомок, с рождения привыкший к машинам!

Любовно описывает поэт новый быт, возникающий в бесплодной и безлюдной прежде степи. На вагончик прилетает скворец, на берегу степной реки Аят вырастает поселок. Пафос освоения и обновления земли пронизывает стихи: «штурмует юность целину. И степь, стремясь омолодиться, под плуг склоняет седину».

Многие стихи Якова Вохменцева написаны с добрым крестьянским юмором.

Безмятежным, в какой-то степени приукрашивающим действительность, в чем она совершенно не нуждается, мне представляется стихотворение «Гуляя в поле, новый Левитан...». На отрывке из поэмы «Подснежники» также сохранился налет идилличности.

Книга заканчивается стихотворением «Родное слово», в котором поэт ярко изображает поэзию народного мировосприятия, проявившуюся в языке народа, в его меткой, живописной и звучной речи:

Кладь, медунка, подполозок, соты —
С детства мил мне этот лексикон.
Чувства меры нету у кого-то —
Говорили: «обудоха он».

Из какого древнего запечья
Это слово вышло за порог?
Даже Даль, подвижник русской речи,
Натолкнуться на него не смог.

Герой слышит знакомое словечко в речи вологодца, узнает, что и в краю его односельчанина есть речка Вохма. И в фантазии поэта встает картина переселения его предка на восток:

Он мечтал, что здесь расправит спину,
Что нужда не приползет сюда.
Всё на свете мог бы он покинуть,
Но родное слово никогда!

. . . . . .

...Понял я в тот грозный вечер года
На суровой фронтовой реке,
Что характер и душа народа,
И его бессмертье — в языке!

Это стихотворение говорит о глубоких истоках творчества поэта.

У Якова Вохменцева — большая биография. В юности с котомкой за плечами исходил он просторы Родины, работал на рудниках и на торфоразработках, в геологоразведочных партиях, на стройках и в совхозах. Вернувшись на Урал, он жил и трудился на Магнитке, в Челябинске, был плотником, журналистом. Затем защищал Родину на Халхин-Голе, с первых дней Отечественной войны рядовым солдатом ушел на фронт и сражался до Дня Победы; в последние годы проводил большую работу на целинных землях Урала. Много им видено и много написано. Поэтому меня удивило, почему в книге только 91 страница. Почему нельзя было издать в более полном виде, включая и стихи военного времени, первую книгу поэта, появления которой он ожидал с десяток лет и на которую давно получил право? Ведь на Урале Яков Вохменцев — известный, активно работающий поэт. И почему тираж книги — только 1000 экземпляров? Челябгиз совсем недавно издавал сборники стихов тиражами до 10 тысяч экземпляров, и они не залеживались в магазинах.

Было бы правильно, если бы Челябгиз в 1957 году более широко познакомил читателей с творчеством своеобразного уральского поэта Якова Вохменцева.

Михаил ЛЬВОВ

МАЛЬЧИКИ С НЕ НАШИХ УЛИЦ

г. Новогрудский
ДИК С 12-Й НИЖНЕЙ
Детгиз, 1956

Действие этой повести происходит в США. Ее герои — мальчики Дик и Майк. С Диком случилось несчастье: осколок стекла попал ему в глаз. Мальчику угрожает слепота. Длительное лечение может сохранить ему зрение. Но это стоит очень дорого. Денег, собранных родителями, не хватает. На помощь мальчику приходит рабочая газета. Она выпускает экстренный выпуск. Его распространяют мальчуганы-газетчики, организованные Майком. Деньги на лечение, таким образом, добыты. Дик будет спасен.

Одно время считалось обязательным излагать в рецензии содержание произведения. Только что я сделал это. Из этого маленького опыта нетрудно усмотреть, что рассказать содержание — это значит почти ничего не рассказать. Итак, пойдем по более правильному пути, займемся анализом произведения. Начать придется с сюжета, ибо он поначалу представляется главной действующей силой в повести.

Сюжет скроен крепко, я бы даже сказал, мастерски. Автор умело расставил препятствия на пути к спасению Дика и развязывает и вновь завязывает сюжетные узлы со сноровкой, которой могут позавидовать старые волки приключенческой литературы.

Но вдруг в процессе чтения я почувствовал, что именно ловкость этого сюжета начинает чем-то беспокоить меня. Уж слишком точно пригнаны события друг к другу. Такая сюжетная лихость уместна где-нибудь в «Трех мушкетерах», где мы ищем не жизненной правды, а занимательного переплетения приключений.

Но, может быть, и книга Новогрудского из этого жанра? В том-то и дело, что нет. С первых же страниц книга притянула к себе теплой человечностью своей, тонкой наблюдательностью, хорошим юмором, любопытной разработкой характеров.

Именно это в повести «Дик с 12-й Нижней» гораздо привлекательнее и, осмелюсь сказать, **интереснее**, чем эффектный блеск сюжетных построений.

При этом я, конечно, отдаю должное щедрой выдумке автора и его таланту сюжетосложения — это завидный дар. Но сам ищу в его повести и чего-то другого. И нахожу.

Как выразительны, например, размышления Дика о разных разностях, о том о сем, о старой проповеднице, которая безуспешно пыталась напугать их, мальчуганов, рассказами про огненное пекло, и о том, как велик Нью-Йорк, и какое множество в нем автомашин, — на каждые четыре человека по машине, — и все же не всякие четыре человека имеют ее, и еще о многом другом.

Естественность тона, правдоподобие детского мышления, ассоциативная скачка воображения изображены Г. Новогрудским уверенно и тонко: «Когда не спятся, Дик часто делает так: думает о том о сем, пока не остановится и не начинает все разматывать в обратном порядке».

Да, в этой повести немало такого, что стоит в стороне от стремительного полета ее сюжета. Но именно это и составляет ее добротность. Например, мысли о тишине:

«Утром нужно, чтобы отец возле тебя кашлял и шаркал ногами, чтобы с шумом лилась вода из крана, чтобы мать что-то говорила недовольным голосом... чтобы грохотал грузовик за окном... Когда такой утренний порядок соблюдается, тогда спится особенно сладко. Но тут порядка не было, тут стояла тишина. И Дик проснулся...».

Это книга о ребятах с горячим сердцем и богатым воображением, о товарищеской верности, о крепкой мальчишеской дружбе, о силе рабочей солидарности. Казалось бы, взяв героями американских мальчиков, трудно было не впасть в подражание бессмертным образам Гека Финна и Тома Сойера. К чести автора надо сказать, что его Дик с 12-й Нижней и Майк, по прозвищу Бронза, стоят твердо на своих ногах.

Повесть Г. Новогрудского написана с хорошим литературным вкусом, и о ней можно сказать то, что является, на мой взгляд, высшей похвалой для детской книги: она интересна для читателя любого возраста.

Я отнюдь не хочу перехваливать книгу. Недостатки ее видны не менее отчетливо, чем достоинства. Так, например, она не свободна от некоторой декларативности. И хотя автору в общем удается избежать нарочитости в обличительных местах, тем не менее такие страницы, как, например, разговор директора газетного треста со своими сотрудниками о том, как сорвать распространение рабочей газеты, сделан в грубо лобовом плане.

Можно предъявить претензии к языку повести, впадающему местами то в пародийные «американизмы» («Держитесь, Генри, вас ждет нокаут»), то неожиданно в купецко-замоскворецкие интонации, вроде: «В ноги мне должен кланяться, что к золотому делу тебя пристроил».

Нет сомнения, что в последующих изданиях автор очистит свою повесть от этих и некоторых других изъянов, к счастью, не крупных и не обильных.

Л. СЛАВИН

ВЕСЕННИЙ СВЕТ

Иван Дремов
ВЕСЕННИЙ СВЕТ
«Советский писатель». 1956

Первые стихи Ивана Дремова публиковались в 30-х годах. Тогда же вышел сборник его стихов.

В последние годы, будучи занятым в основном педагогической, журналистской и партийной работой, И. Дремов продолжал писать стихи. Лучшие из них опубликованы в сборнике «Весенний свет».

В сборнике помещено более сорока стихотворений о Родине, вдохновенном труде, природе, любви. Написанные в разные годы, эти произведения, естественно, неодинаковы по уровню художественного мастерства. Однако о чем бы и когда бы ни писал П. Дремов, все его стихи в большей или меньшей мере настраивают читателя так, что ему

И небо покажется выше,
И на сердце станет светлей.

Именно таким в конечном итоге и должно быть воздействие поэтического произведения. Небольшие стихотворения И. Дремова подкупают своим оптимизмом, искренностью и чистотой выражаемых ими идей и чувств.

Простая, ясная форма стихов Дремова свидетельствует о крепнущем мастерстве их автора. Вот, например, как пишет И. Дремов о величии В. И. Ленина, которого «народы ожидали долгие века»:

И пускай погасли б все светила
И снегами солнце замело,
Всё равно бы над землею было
От его рождения светло.

Жизнеутверждающий оптимизм И. Дремова заражает читателя потому, что он исходит от человека, много пережившего, перечувствовавшего и передумавшего.

Думы и переживания И. Дремова — это думы и переживания рядовых тружеников. И многие из них будут благодарны поэту за то, что он так задушевно выразил их чувство любви к Родине, которая заменила поэту мать:

Сквозь года и сумрачные грозы —
Наяву повсюду и во сне,
Милая, не вытирая слезы,
Ты, как солнце, улыбалась мне.

Я бродил. И не было рассвета.
Звал тебя, невзгодами гоним.
Но не ты, а родина Советов
Отозвалась голосом твоим.

И она измученного сына,
Мальчика из бедного села,
Напоила песней соловьиной
И к труду и к счастью привела.

Название сборника стихотворений И. Дремова точно передает их существо — они, как весенний свет, радуют читателя. Есть в этом сборнике лишь одно стихотворение, заглавие которого — «Смерть садовника» — словно контрастирует с общей его атмосферой. Но прочтя это стихотворение, посвященное Мичурину, вы приходите к выводу о том, что речь в нем идет как раз о бессмертии садовника.

Что же касается недостатков, которые поэту следует преодолеть в своем творчестве, то их природа — в чересчур общем иногда взгляде на жизнь. Некоторые темы поэзии И. Дремова не новы. Только сердечность и лирическая нотка выводят их из разряда банальных. В таких стихах, как «В родной колхоз», «Волжский соловей» и некоторых других, неглубокая мысль превращает столь органичное для И. Дремова чувство оптимизма в идилличность.

Светлое, радостное мироощущение поэта не исключает видения противоречий жизни, а напротив, должно помочь ему в мудром и трезвом изображении их преодоления.

Г. ХОЛИН

Предложения Индии — основа справедливого решения

Вчера на заседаниях конференции по вопросу о Суэцком канале было немало споров. Изучив два документа — предложения делегации Индии, внесенные Кришна Меноном, и предложения делегации США, представленные Даллесом, участники конференции внесли ряд поправок. Но все они не могут изменить существа дела: речь идет о выборе между правом Египта управлять каналом (в этом смысл индийских предложений) и возвращением к прежнему положению, при котором эту водную артерию контролировал бы международный орган. Сколько бы ни было оговорок и рассуждений вокруг этого,— дилемма именно такова.

Советский Союз совершенно четко изложил свою позицию. «Само создание, вопреки воле Египта, международного органа по управлению собственностью Египетского государства является политическим актом, влекущим за собой серьезные политические последствия, — заявил министр иностранных дел СССР Д. Т. Шепилов 21 августа.— Этот акт отнюдь не разрешил бы суэцкую проблему, но, бесспорно, превратил бы район Суэцкого канала в зону постоянной напряженности, в источник международных трений и конфликтов».

«Это великий день в жизни великого народа — День национализации», — пишет на стене египетский рабочий.
Снимок из английского журнала «Пикчер пост»

Предложения Даллеса, выдвинутые государственным секретарем США от имени западных держав, ставят такие условия, которые неизбежно будут отклонены Египтом. Это не вызывает сомнения у участников конференции. «Даллес хочет, чтобы были предприняты определенные шаги, но при этом он выдвигает в качестве проекта нечто такое, что не может быть принято Египтом,— сказал Кришна Менон на пресс-конференции в отеле «Клэридж».— Нельзя рассчитывать на сколько-нибудь успешное продолжение переговоров на основе плана Даллеса».

Предполагается, что конференция продлится не дольше одного-двух дней. И уже сейчас в журналистских кругах подводят итоги переговоров. Мне пришлось просмотреть сегодня свежую американскую почту. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Лав признает, что, «по мнению находящихся здесь дипломатов средневосточных стран, конференция закончится неудачно и не будет иметь даже морального авторитета. По их мнению, престиж Насера усилится так же, как и престиж Советского Союза».

Делегация Индии прилагает усилия к тому, чтобы добиться дальнейшего обсуждения вопроса о Суэцком канале на здоровой и трезвой основе. Нельзя не считаться с законными действиями Египта, который национализировал Суэцкий канал. Ясно, что судоходство по каналу должно контролироваться Египетским правительством. «Мы считаем, что при данных обстоятельствах попытка предложить интернационализацию как основу для переговоров совершенно нереальна,— сказал Кришна Менон.— Этим вы не добьетесь никаких сдвигов, и мы окажемся там же, где были. Египетское правительство национализировало компанию Суэцкого канала. План Даллеса предлагает интернационализировать национализированную компанию. Его план исходит из того, что ничего не существует. В действительности уже существует правление».

Таковы факты. Однако в определенных англо-французских кругах открыто обсуждаются новые формы давления на Египетское правительство. Они заключаются в попытках саботировать управление каналом путем отзыва с занимаемых должностей лоцманов и различных технических специалистов.

Уже проводятся приготовления. В интервью газете «Таймс» генеральный директор бывшей компании Суэцкого канала сказал, что компания сейчас, оказав воздействие на своих служащих, может парализовать деятельность канала в любое время. По его словам, Египет не имеет достаточного количества технических специалистов, чтобы управлять работой водной артерии.

Настоящее название таким действиям — саботаж. Западные державы рассчитывают, очевидно, что они смогут таким способом добиться своего, если их требование об установлении международного контроля над каналом будет отвергнуто Египтом.

Этот черный замысел западных держав подробно обрисовал (но не осудил!) обозреватель газеты «Дейли геральд» — Юэр. Если верить Юэру, план сводится к следующему. Как только президент Насер отвергнет предложения Даллеса о передаче канала международному органу (а в том, что Насер это отвергнет, Юэр не сомневается), лоцманы неегиптяне прекращают работу и покидают Египет. В результате все судоходство по каналу останавливается. Последствия закрытия канала окажутся настолько гибельными для нефтеперевозок на Запад, что все одобрят «любые меры, которые могут оказаться необходимыми» для того, чтобы ввести канал в действие. Ну, а «любые меры» будут обязательно включать использование вооруженной силы. И Юэр многозначительно добавляет, что военные приготовления все еще продолжаются.

Судя по сведениям египетской печати, положение, однако, складывается отнюдь не так, как хотелось бы Западу. Уже сейчас ведется срочная подготовка лоцманов египетской национальности. Свыше 30 новых лоцманов — греков и египтян — приступило к работе. К тому же многие специалисты из других арабских стран предложили свои услуги для работы по управлению каналом. Таким образом, и эти попытки оказать давление на Египетское правительство вряд ли принесут плоды.

В ближайший день — два окончательно определится, каковы результаты Лондонской конференции. Но теперь уже ясно, что Египет не согласится ни на какие меры, которые связаны с попытками ущемления суверенитета независимой страны.

Филипп БОЛСОВЕР,
английский журналист
ЛОНДОН, 22 августа. (По телеграфу)

Весь мир осуждает террор боннских реакционеров

Преградить путь войне

Они довольны, очень довольны. Их лица сияют, они с трудом сдерживают веселье, и если они не подталкивают друг друга локтями от удовольствия, то им мешает чинопочитание, перед которым они всегда трепетали. Кто же они, потирающие руки, самодовольно говорящие: пришел наш день? Это веселятся ожившие снова в Западной Германии милитаристы и реваншисты в погонах и в сюртуках, большие и маленькие, и с ними веселятся, хлопая их по плечу, их покровители и союзники. Еще бы им не быть довольными — все газеты во всей Западной Германии напечатали черным по белому, что семнадцатого августа конституционный суд в Карлсруэ вынес решение объявить Коммунистическую партию Германии «враждебной конституции» и запретить ее. Еще бы! На путь к миру и единению Германии сброшен камень. За ним, так кажется этим милитаристам и реваншистам, покатятся другие. Началось! — говорят они, прислушиваясь к тому, что происходит в западногерманских городах после решения суда в Карлсруэ.

Они слышат, как лязгают шпоры, как грохочут сапоги полицейских, как стучат приклады о двери клубов и редакций, они слышат звон разбитых стекол, грохот грузовиков, увозящих арестованных. Вывески уже роли не играют. Можно громить и редакцию рабочей газеты, и врываться в помещения местного совета мира, в рабочие кружки, в помещения союза демократических женщин, куда угодно.

Можно снова обыскивать, задерживать, угрожать, конфисковать, захватывать знамена, развевавшиеся над мирными демонстрациями, как будто они схвачены в жарком бою, по которому соскучились господа, наводящие «порядок» в Западной Германии.

Господа из вермахта и хозяева биржи, владельцы финансового капитала довольны. Они с радостью переглядываются: как просто повторяется история. Давно ли они сидели в тишине и тайно готовились к этому знаменательному дню, за которым последуют не менее важные события? Давно ли это было? 8 сентября 1951 года они основали в Бонне Союз немецких солдат, который объединил многие организации. До того генерал Мантейфель лишь заведовал отделом сбыта товаров на фабрике, куда его устроил банкир Пфердменгес. А теперь генералы надели новую форму, и можно снова командовать вермахтом, который растет ото дня ко дню, тем более что господа банкиры тоже хорошо знают свое дело.

Все темные силы переживают радостное возбуждение. Ремилитаризация началась. Она идет так, что лучше не надо. Если по парижским соглашениям Западная Германия имеет 12 дивизий, а Франция — 14 дивизий, то, кажется, пропорция соблюдена. Нет, это только кажется. Французская дивизия со всеми вспомогательными службами имеет только восемнадцать тысяч и всего, значит, в 14 дивизиях 252 тысячи человек, а в 12 западногерманских дивизиях людской состав превышает 400 тысяч. Да еще к этому в придачу организуется пятимиллионная «милиция», да и количество дивизий будет расти, если убрать препятствия. Препятствия начали убирать. Гитлер начал с разгрома компартии. И в Западной Германии вступили на этот путь.

Милитаристы и реваншисты проводят в жизнь программу развязывания войны. Их не смущает то, что другие партии почувствуют угрозу в этих полицейских мерах. Они помнят, что при разгроме компартии 31 января 1933 года правление социал-демократической партии, сделав вид, будто оно не замечает, что происходит, заявило в своем воззвании: «Мы ведем свою борьбу в рамках конституции и намерены защищать всеми средствами политические и социальные права народа от любых посягательств. Необходимо сохранять полную боевую готовность для этой решающей борьбы».

Вспоминая сегодня эти слова, милитаристы и реваншисты ухмыляются. Они перелистывают желтую страницу истории, где читают официальное заявление гитлеровского правительства, сделанное меньше чем через полгода после воззвания социал-демократической партии. 22 июня 1933 года гитлеровцы объявили, что «социал-демократическую партию следует считать партией, враждебной германскому народу, партией, против которой должны быть применены те же меры, что и против коммунистической партии».

Что было после этого, мы знаем. Ту безудержную гонку вооружений, которая началась после того, как «самораспустились» все остальные партии, уже нельзя было остановить.

«Как повторяется история! — восклицают сегодня все приверженцы ремилитаризации. — Значит, мы стоим на историческом пути».

Да, слова, сопровождавшие создание нового вермахта, близко, очень близко подходят к гитлеровскому воззванию по поводу введения всеобщей воинской повинности. Там провозглашалось: «Мы, конечно, не допустим, чтобы национальное вооружение Германии стало средством военного нападения. Напротив, оно преследует исключительно оборонительные цели и служит, таким образом, делу сохранения мира».

Прекрасные слова, воскликнут реваншисты хором: мы их почти повторили сейчас, когда голосовали за всеобщую воинскую повинность.

Надо дальше расчищать путь к войне, сейчас же добавляют они: начало положено. Благодаря введению обязательной воинской повинности федеральная армия должна стать, как писал 9 июня 1956 года «Бюллетень» — официальный орган федерального правительства, «знаменосцем бдительности общественного мнения... она должна стать политической армией холодной войны». Вот оно — орудие милитаризма, характеризующее отныне внутреннюю и внешнюю политику германских милитаристов. А какое общественное мнение она должна охранять «своей бдительностью»? Это — «общественное мнение», которому нравится погром коммунистических и демократических сил.

Опять у австрийской и у чехословацкой границ казармы наполнятся скоро частями нового вермахта...

Бывшим гитлеровцам рисуется картина, как они неудержимо идут к победе, ведя за собой армию реванша. Дислокация НАТО предусматривает размещение германских гарнизонов во Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурге. Эта новая версия мирного захвата очень устраивает вождей нового вермахта. Им помогут добрые дядюшки, которые сейчас в восторге от того, что делается в Западной Германии. «Это — вдохновляющий пример борьбы с коммунизмом!» — восклицают, не сдержав пыла, эти добрые дядюшки на столбцах газет, выходящих довольно далеко от Бонна. Впрочем, они тут сами, они близко, так близко, что могут похлопать по плечу исполнителей тайного плана подготовки к войне.

Но как бы ни восторгала реваншистов и милитаристов и их покровителей картина, которую они видят в западногерманских городах, они жестоко ошибаются, принимая свои мечтания за осуществление и повторение гитлеровского пути. Гитлер был Гитлером, и все мракобесие, связанное с годами его черной власти, сметено в яму, из которой успели вылезть некоторые ожившие ныне мертвецы или недобитые моральные уроды, навсегда отданные во власть идее кровавого реванша, мести за поражение.

Но поражение было поражением. История не повторяется. Путь «Моей борьбы» не даст того, что от него ожидают. Германский народ хорошо помнит свои страдания, свой роковой путь, который он вынужден был пройти вместе с гитлеровскими «сверхчеловеками», оказавшимися на поверку профессиональными убийцами и людоедами, хотевшими истребить целые народы.

Всем другим народам ясно, что стоит за такой мерой, которая сама по себе является преступлением против своего народа, против мира и человечества. Протесты, которые, как волны, идут по всем континентам, говорят об этом лучше всяких объяснений. Всем видно, что цель, которая маячит перед ретивыми гонителями германской коммунистической партии, — это путь к войне.

Но в каждой немецкой семье Западной Германии невольно в эти дни вспомнят, как началось «это» в 1933 году и как выглядела страна через двенадцать лет.

Невольно вспомнят и сравнят с тем, как это выглядит в 1956 году. вздрогнут и не пожелают даже представить себе, как будет выглядеть все окружающее, если господам реваншистам и милитаристам удастся обманом или угрозами погнать народ на новую страшную бойню.

Но, к счастью, сегодня есть силы в мире, которые могут преградить путь реакции и новому фашизму. Эти миролюбивые силы есть повсюду, и в самой Западной Германии. Они прекрасно понимают, что германскую компартию нельзя уничтожить, как нельзя уничтожить германский народ. Уж на что были безжалостны и жестоки гитлеровцы, но и они не могли убить те живые силы, которые питали германскую коммунистическую партию. Эти силы, несмотря ни на что, росли.

Опасность для дела мира и демократии налицо. Германский народ должен сказать свое слово. Реакция рассчитывает на пассивность одних, на страх других перед полицейскими мерами, тюрьмами и концлагерями, на слепоту третьих, которых может увлечь мишурный блеск нового вермахта, на нейтралитет четвертых, занимающих позицию выжидания.

Но понятно, что, если не будет сказано большое слово народов, не будет поставлена преграда на пути распоясавшейся реакции, она не остановится сама. Она пойдет дальше, забыв о прошлом и не думая о будущем, чтобы вовлечь народы в неслыханные бедствия.

Этого не должно быть, этого не будет!

Николай ТИХОНОВ

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Есть еще судьи в Карлсруэ!

Сидит судья,
веселый, как могила,
Живой, как пень,
и умный, как метла.
Тень Гитлера его усыновила,
Тень Штибера* героем нарекла.

Сидит судья,
бурбонский грузный ворон,
В огромном кресле,
гордый сам собой.
Он мир потряс
недавним приговором,
Тупым твореньем
наглости тупой.

И вдруг под ним
все кресло развалилось.
Исчезли краски, золото, резьба,
А спинка кресла
сразу превратилась
В гигантский кряж
позорного столба...

* Начальник прусской политической полиции, инсценировавший Кёльнский процесс коммунистов в 1852 году.

В день праздника

12 лет прошло с того дня, когда победоносная Советская Армия освободила Румынию от фашистского ига и перед нашим народом открылись светлые перспективы свободной и независимой жизни. В прошлом наша небольшая страна даже не всегда упоминалась в географических справочниках, а теперь о ней знают народы всего мира. Румынские ученые, врачи, инженеры, писатели, артисты, художники, музыканты установили творческие связи со своими коллегами из других стран. Сотни иностранных делегаций приезжают к нам, чтобы своими глазами увидеть разительные перемены, которые произошли в Румынии. Все чаще организуются у нас выставки изобразительного искусства и национального творчества других народов, а два года тому назад в дни IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов нашу страну посетили десятки тысяч людей из Европы и Африки, Америки и Азии.

Естественно, что мне, как поэту, наиболее близки перемены в культурной жизни Румынии. Меня радует, что в стране, где миллионы людей были неграмотными, сейчас все читают, что у нас издаются книги не только наших писателей и поэтов, но и лучших представителей мировой литературы, что в больших городах и в далеких деревнях открываются новые книжные магазины, строятся дома культуры, библиотеки. Дети тех, чьи натруженные руки знали только лопату и плуг, сейчас играют на скрипке и фортепиано.

Все это стоит посмотреть. Вот почему и приезжают к нам многочисленные гости из-за рубежа. Мы всех принимаем радушно по старой традиции нашего народа.

Но не все гости хотят видеть то, что открывается их взору. Некоторые из них стараются казаться холодными, равнодушными наблюдателями, которых ничто не интересует. А иные легковерные люди слишком отравлены всякого рода вымыслами наших недругов.

Однажды академик Михаил Раля рассказал нам о своей встрече в Бухаресте с группой канадских женщин.

— Как вы себя чувствуете в Румынии? Нравится вам здесь? Поняли ли вы нашу жизнь? — спросил он.

Одна из дам довольно раздраженным тоном пожаловалась, что на границе им не показали «железный занавес»...

Вначале Михаил Раля был в недоумении. «Может быть, это шутка?» — подумал он.

Но дама серьезно продолжала:

— Да, да, нам не показали его, хотя мне почудилось, что занавес был спрятан за пограничным лесом, среди деревьев.

В этом комичном эпизоде нет ничего удивительного. Ведь разглагольствования о так называемом «железном занавесе» стали главным предметом всех американских радиопередач.

Кто слушает голос Вашингтона или Нью-Йорка, тот знает, что там имеется вещание и на румынском языке, именуемое «Свободная Румыния». Пусть вас не удивляет такое название. Когда у нас день, за океаном ночь. Так и в представлении некоторых политиков отдельные слова имеют совсем обратный смысл.

Уже в течение 12 лет по 3—4 раза в день мы слышим по радиоприемникам позывные «Свободной Румынии». Выступающие перед микрофоном комментаторы и обозреватели искажают действительность нашей страны, клевещут на румынский народ. И в то же время почти ежедневно они повторяют свои излюбленные заверения, что американские монополисты, которые перед войной получали немалую прибыль от румынской нефти, искренне хотят «освободить» наш народ, хотят «помочь» людям за «железным занавесом» построить свою жизнь на принципах «демократии».

Как же выглядят те, кто непосредственно у микрофонов обращается к нашему народу на румынском языке?

Вот небезызвестный Боилэ. Промышленник и делец, он сбежал из нашей страны после войны с мешками золота, из-за которого пролито немало пота и крови румынских трудящихся. Или господин Гафенку. Его мы знаем как человека, сумевшего своими махинациями скопить немалое состояние, создать собственную типографию и газету. Там же подвизается крупный делец Каранфил. Все они, в прошлом министры реакционного правительства, стремились предать интересы румынского народа, поставить его на колени перед немецким фашизмом.

Но, кроме Боилэ, Гафенку, Каранфила, за рубежом живут и люди, которые были обмануты бежавшими от народного гнева авантюристами. И им, очевидно, порядком надоели эти 12 лет болтовни о каком-то «освобождении». Они вовсе не желают выступать в роли «освободителей». Скорее им самим хотелось бы освободиться от гнетущего одиночества и тоски по родине. Так, я уверен, обстоит дело с теми, кто думает о своей судьбе, о будущем. Тем же, кто еще не научился думать, мне хотелось бы помочь и рассказать, от чего же хотят «освободить» нас непрошенные радетели.

Родина наша теперь не та страна батраков и безработных, какой была она 12 лет назад. Трудящиеся Румынии воздвигли новые города, построили новые заводы и фабрики, гидроэлектростанции и плотины. Корабли под румынским флагом, пересекая моря и океаны земного шара, везут во многие страны, с которыми торгует наша республика, отечественные машины и станки, приборы и электромоторы, нефть. Румынские крестьяне объединились в сельскохозяйственные производственные кооперативы, число которых сегодня достигло почти 9 тысяч. Мы расширяем наши посевные площади, и с 550 тысяч гектаров еще недавно пустовавшей земли мы собираем богатые урожаи кукурузы, пшеницы, риса. Машиностроителям Бухареста, металлургам Хунедоары, нефтяникам Молдовы, каменщикам молодого социалистического города Виктория дороги их завоевания. Они любят свою родину, верят в будущее, в социализм.

Вот почему разглагольствования некоторых сторонников холодной войны об «освобождении» вызывают лишь презрение румынского народа, уверенно строящего счастливую жизнь.

Тудор АРГЕЗИ,
румынский поэт, академик

Э. ЖЕБЕЛЯНУ,
румынский поэт

Вестник свободы

Он в сердце жив, — пусть годы далеки.
Вот он во Влашке, раненный; пшеница
Колосьями поникла у реки;
Вот гимнастерка рваная дымится,

Волна целует прядь его кудрей,
Он словно пьет, с винтовкой наготове,
Чтоб в схватку первым броситься
скорей...
Но в камыши стекает струйка крови.

Он здесь, на ниве выжженной, упал,
Где нищета жила в убогих хатах,
Где под бичом крестьянин изнывал,
Чтоб услаждать чванливых и богатых.

На Запад танки грозные прошли,
Советские, тяжелой чередою,
А русский улыбался им вдали,
В последний раз, над тихою рекою.

Гидроцентрали, тучное живье,
Вы — из его горячей, жаркой крови;
Он всю по капле отдал вам ее,
И честно пал, с винтовкой наготове!

Перевел с румынского К. ЕГОЛИН

С них спросится!

Оптимизм человечества заключается прежде всего в том, что поколения, пережившие грозные исторические потрясения, свято верят в то, что подобные испытания повториться на земле не могут.

Народы, пережившие ужасы и позор фашизма, сразившиеся с ним и разгромившие его, поколения, цвет которых томился за колючей проволокой гитлеровских концлагерей, шел в первых рядах народных армий, наступавших на гитлеровских захватчиков, бросался с гранатами под танки Гудериана, закрывал своей грудью амбразуры фашистских дотов и, наконец, писал свое имя штыком на стенах рейхстага, — эти поколения всем своим мужеством верили, что свершают свой подвиг во имя того, чтобы кошмар гитлеризма во веки веков не мог повториться на земле.

Поэтому так единодушны люди разных стран и языков, разной партийной принадлежности и разного мировоззрения в безоговорочном осуждении того похода против свободы и демократии, что происходит сегодня в Западной Германии, — очень уж живуче сходство событий с тем, что переживала Германия без малого четверть века тому назад, очень уж горяча память человечества обо всем, что случилось потом.

Память человечества!.. Какая же это память? Это не память, а свежие шрамы и незаживающие раны. Это сиротство детей и вдовство миллионов женщин всего мира, миллионы человеческих трагедий и раньше всего живая и до сих пор кровоточащая трагедия Германии.

Какое же правительство смеет делать вид, будто этой трагедии не существует? И во имя чего и в угоду кому оно разрешает себе забывать о страшной судьбе своего народа, втаптывать в грязь его надежды на лучшее будущее, его чувство собственного достоинства?

Этот вопрос смеют задать сегодня западногерманскому правительству все миролюбивые народы. И боннские власти обязаны на него ответить!

Маргарита АЛИГЕР

Наш ответ: сплочение сил прогресса

Во всем мире вызвал глубокое возмущение позорный факт запрещения Коммунистической партии Германии. Миллионная армия советских учителей и деятелей советской науки вместе со всеми честными людьми мира поднимает голос протеста против незаконных действий правящих кругов Западной Германии.

Боннские реакционеры сделали новый шаг по пути возрождения фашизма и милитаризма. Теперь всем ясно, что эти «авангардисты свободного мира» понимают свободу, как свободу для капитализма терроризировать организации трудящихся.

Не в первый раз героическая партия коммунистов Германии подвергается преследованиям со стороны монополистического капитала и его приказчиков. Нынешние боннские правители идут проторенной дорогой папенов и шахтов к развязыванию новой войны, прикрывая творимый ими произвол сладкими, но пустыми словечками о демократии и единстве Германии. Они, видно, не усвоили уроков истории, забыли, что гитлеровцы даже неслыханными зверствами не сумели уничтожить германскую коммунистическую партию, — а следовало бы об этом помнить!

Террористические действия милитаристов, именующих себя «христианскими демократами», обнаружили перед всем миром их слабость, их политическое банкротство и смертельный страх перед народом.

То, что произошло в Западной Германии, обязывает всех подлинных демократов включиться в активную борьбу за мир и демократию. Ибо запрещение Коммунистической партии Германии — это вызов, который силы реакции и войны бросили силам мира и свободы. Ответим же на этот вызов сплочением всех сил прогресса!

Профессор М. МЕЛЬНИКОВ,
действительный член Академии педагогических наук

Итоги съезда в Чикаго

На этом съезде никто не отчитывался. Никто не обсуждал деятельность демократической партии США за четыре года, истекшие с момента последнего съезда демократов. На съезде говорили лишь о том, как привлечь голоса избирателей и добиться победы на предстоящих 6 ноября президентских выборах.

Задача, стоявшая перед лидерами партии и 2744 делегатами, была — и остается — нелегкой. При всей своей склонности к забывчивости американские избиратели помнят, что именно с правительством демократической партии связано начало «холодной войны», кровавой войны в Корее и развертывание небывалой гонки атомного и прочего вооружения.

Под металлическими перекрытиями «Международного амфитеатра» в Чикаго среди «организованного хаоса циркового представления», как назвало съезд агентство Ассошиэйтед Пресс, не однажды раздавались призывы к новым путям, новым методам, новым направлениям. Оно и понятно — американцы все ощутительнее дают понять политическим лидерам, что им вполне по душе уменьшение напряженности в международных отношениях и что они весьма желали бы, чтобы напряжение уменьшалось и дальше, открывая перспективу прочного и длительного мира. Сейчас, с сокрушением заметил журнал «Ньюсуик», «можно целыми днями разъезжать по штатам Среднего Запада, не услышав ни одного слова ни о России, ни о водородной бомбе». «Умеренность,— заявляет журнал «Тайм»,— вот дух времени».

Дух времени наложил свой отпечаток на избирательную программу, утвержденную съездом. Во внешнеполитическом ее разделе есть немало упоминаний о таких близких сердцу простых американцев вещах, как мир, разоружение, процветание. В программе констатируются такие бесспорные положения, как: «Борьба за мир — это колоссальная задача, которую следует осуществлять честно, открыто, целеустремленно и не покладая рук». Кто из простых американцев — да и не только американцев — не подпишется под такой декларацией?

Стоит, однако, заглянуть в заключительную часть внешнеполитической программы, принятой съездом, чтобы убедиться: в новые мехи лидеры демократической партии пытаются лить старое, давно уже скисшее вино. Что предлагает программа? Проводить политику «обеспечения мира с помощью силы», поддерживать еще более крупные вооруженные силы. Есть в программе и давно уже обанкротившаяся и безнадежно скомпрометировавшая себя «антикоммунистическая» терминология, и весьма недвусмысленные обещания продолжать недопустимые попытки вмешательства во внутренние дела стран мира и социализма.

Не удивительно поэтому, что, как единодушно отметила американская печать, дух «двухпартийности», то есть сотрудничества демократов с республиканцами в области внешней политики, оказал свое влияние на программные внешнеполитические установки съезда.

Примечательным явлением была победа Стивенсона над Гарриманом, которого съезд не выдвинул кандидатом в президенты. И это произошло, несмотря на то, что Трумэн, явившись на съезд в качестве почетного гостя, заявил, что он поддерживает кандидатуру губернатора штата Нью-Йорк А. Гарримана. Последний немедленно объявил себя верным продолжателем «политики Трумэна». И, действительно, ведя шумную кампанию за выдвижение своей кандидатуры в президенты, Гарриман, прикидываясь либералом в вопросах внутренней политики, в то же время призывал к продолжению пресловутой «холодной войны» против Советского Союза. Член палаты представителей г-жа Келли, например, в публичной речи аттестовала его как самого заклятого врага «коммунистической угрозы». Сам Гарриман, выступая перед членами различных делегаций и призывая их голосовать за него, усиленно напирал на свои былые «заслуги» в развертывании агрессивного курса внешней политики США в бытность президента Трумэна у власти.

Рекламные брошюры, распространявшиеся сторонниками Гарримана на съезде, рекомендовали его как одного из авторов идеи антисоветского крестового похода.

Под руководством экс-президента была развернута деятельная кампания по мобилизации голосов делегатов. Трумэн действовал не один — он привез с собой двух бывших председателей национального комитета демократической партии трумэновских времен У. Бойла и Ф. Маккинни. По свидетельству агентства Ассошиэйтед Пресс, они вызывали руководителей организаций демократической партии штатов и требовали от них мобилизации голосов на поддержку Гарримана. «Трумэн считает Стивенсона неподходящим, — писал корреспондент агентства Юнайтед Пресс, — потому, что он ведет партию по пути, к которому Трумэн относится с недоверием».

Конечно, немалую роль сыграла стивенсоновская «машина», сумевшая мобилизовать нужное число голосов. Тем не менее поражение Гарримана, обладающего поддержкой влиятельной организации демократической партии — пресловутой нью-йоркской «Таммани-холл»,—это, несомненно, новый (который уже по счету!) крах дискредитировавшего себя трумэновского курса. Американская печать расценила отход Трумэна от Стивенсона как «счастливое событие» для последнего. Знаменательное признание!

В. МОРЕВ

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б01180.